
Юлия Шеверина
Ремонт в замке
Дракулы

Юлия Шеверина

Ремонт в замке Дракулы

«Литнет»
2021

Шеверина Ю.

Ремонт в замке Дракулы / Ю. Шеверина — «Литнет», 2021

❤# Что будет, если наследницей Дракулы окажется бойкая девушка из провинциального Заяжска? Как это переживут нежненькие вампиры? Маги с тонкой душевной организацией? И как это переживет она?? ❤# Получила в наследство древний замок и целую деревню родственников. Родственники зачем-то начали ритуал передачи мне магической силы, но… не знают, как завершить! А надо! Иначе эта сила меня разорвёт на тысячу маленьких Баженочек Рудольфовночек. Говорите, с этой проблемой поможет мой предок — Влад Дракула? Нужно починить замок, чтобы его воскресить? Что значит — он вампир??А я тогда кто?Книгу можно читать отдельно, самостоятельная история в мире Магической Империи ❤#

© Шеверина Ю., 2021
© Литнет, 2021

Содержание

⚡#Глава 1. МЭРзкая секретарша и 7 сортов варенья 5
⚡#Глава 2. Самолётик «De Dal» и новые родственники 11
⚡#Глава 3. 8 марта, о котором Бажена не помнит 14
⚡# Глава 4. День Сюрка 17
⚡#Глава 5. Дома с глазами 20
⚡#Глава 6. Летающая туфля 27
⚡#Глава 7. Пятёрка за родословные обои 33
⚡#Глава 8. Дочь Дракона 40
⚡#Глава 9. Осиновые зубочистки и безграничная власть 46
⚡#Глава 10. Примэрский секретарь 50
⚡#Глава 11. Потрогай облако 54
⚡#Глава 12. Жареный ёж 59
⚡#Глава 13. Шестиногий медведь-людоед 64
⚡#Глава 14. Неограниченный бюджет и два зеркала 70
⚡#Глава 15. Запасной немец и булавка для неспящей красавицы 74
Конец ознакомительного фрагмента. 75

##Глава 1. МЭРзкая секретарша и 7 сортов варенья

2 мая. Провинциальный город Заяжск

Где-то в Поволжье

Кошки, оставленные соседкой на недельку два года назад, сусликами повысовывали головы из-под одеяла.

— Печенюшки меховые, завтракать будем?

Бажена взглянула в зеркало. Короткие светлые волосы, кудрявые и пушистые, чуть подкрашенные в золотистый оттенок — родной серовато-мышиный блонд Бажену никогда не устраивал.

Как и светлый серо-зелёный цвет глаз. Именно этот оттенок она всю жизнь считала крайне дурацким.

«У всех глаза нормального цвета, а у меня — не пойми что!» — сокрушалась Бажена.

И не серый, и не зелёный и вообще какой-то бледный до невозможности, невыразительный, невнятный!

Того неуловимого оттенка, будто смотришь сквозь зеленоватое стеклышко на серое пасмурное небо…

Пасмурное и неопределённое, как и её, Бажены, планы на будущее.

«С аванса куплю цветные линзы, — уже не в первый раз размечталась девушка, — подкрашу серые будни хотя бы яркими глазами».

Линзы были дорогими, зарплата — скромной. Так что эту покупку, совсем необязательную, она откладывала не первый месяц.

— Мяо мяр! — напомнили о завтраке меховые бестии.

— Я вам дам «мяр», Анфиска. Совсем уже распустилась. Варька, когти убрала с ноги быстра-а-а! А то поедешь жить на деревню к новообретенному дедушке и его алчной родне.

Перед глазами мелькнули невнятные черные точки — то ли мелкая мошкара, то ли крупная пыль. Бажена не успела подумать ни о внеочередной уборке, ни о покупке москитной сетки. Она увидела, который час. — Что?!Так, завтрак отменяется! Я опаздываю! У нас сегодня проверка из областного правительства после обеда! Анфиска, не вздумай бить посуду, я чашки пересчитала!

— Мюр, — Анфиска зевнула и заползла обратно под одеяло, твёрдо решив разбить что-нибудь ближе к вечеру. Варька наоборот, скользнула из-под одеяла и отправилась на кухню — выбрать чашечку для битья заранее, пока туда не добралась её шаловливая подруга.

Но Бажена, уже наклонившаяся над раковиной и спешно плещущая себе в лицо прохладную воду, видеть этого, конечно же, не могла. В мэрскую приемную она влетела за минуту до начала рабочего дня. На рабочем месте её уже ждали.

— Божа, тебя искал какой-то хлыщ! — начальница архивом начала эту фразу с пафосом, достойным объявления о награждении с занесением в личное дело. Но в конце хихикнула, здорово подпортив торжественность момента. — С Людкиной фоткой в руках.

Людка работала секретаршей мэра пять лет назад, до Бажены. Её данные, включая рабочий телефон, были опубликованы на сайте муниципалитета.

По каким-то неведомым причинам редактирование этого самого сайта было доступно лишь единоличному его властелину, айтишнику с большой буквы АЙ, приписанному за недостатком средств у маленького городка к уже помянутому областному правительству. первый год работы Бажены этого неуловимого товарища попросту не смогли найти, поймать и принудить к обновлению профиля новой сотрудницы в «каком-то там Заяжске».

Через каких-то два года имя, все ж таки, исправили с Людкиного на Баженино, но с фотографией возникли проблемы. Единоличный властелин куда-то сгинул, а новый гений, который разберется, как это сделать, — еще не объявился.

Потому Бажена Рудольфовна Бальсова продолжала смотреть с сайта муниципалитета чужими глазами и сиять чужим лицом.

Сама Бажена Рудольфовна против этого ничего не имела и даже пользовалась ситуацией.

Например, когда нужно было тихонько выйти из мэрии мимо заезжего журналиста. И тем самым избежать неловких вопросов и последующих неприятных публикаций в областной газете. С местными журналюгами этот фокус не прокатывал — все они знали мэрскую секретаршу в лицо.

Сам мэр, обладавший богатым опытом правления маленьким городком и маленьким бюджетиком и множеством проблем, таких встреч ловко избегал. Он будто чувствовал интерес к своей персоне и перед новой бурей придумывал себе отпуск или командировку. Бажена довольно быстро вывила эту закономерность и уже знала: если Игоря Ивановича нет второй день — домой, вероятно, придется добираться огородами.

— Кто такой? — поинтересовалась мэрская секретарша больше чтобы поддержать беседу, чем из интереса. На работе её постоянно кто-то искал.

Зазвонил рабочий телефон, но Бажена небрежно бросила рядом сумку с бумагами и достала из-под стола чёрные лакированные лодочки.

— Не сказал, — архивница по-хозяйски открыла дверцы большого шкафа, начиная ежедневный ритуал приготовления чая. Проверила наличие воды в стоящем внутри этого самого шкафа электрическом чайнике. Вода была. Она включила чайник в розетку, которая была тут же, в шкафу, и нажала кнопочку.

Чайник радостно забулькал, грея воду.

— Журналист? — Бажена покачала ногой в лодочке, оценивая, сколько ещё она прослужит.

Туфли были куплены для работы у совсем другого мэра, областного, а не захолустного. В Заяжске демонстрировали богемную роскошь уже пятый год и постепенно приходили в негодность.

Телефон мерзейше затрясся в новом приступе, тщетно добиваясь женского, или хотя бы чьего-то, внимания. Обе чиновницы продолжили беседу, свято чтя местную традицию поднимать трубку исключительно после обеда.

— На журналиста не похож, одет хорошо, — архивница достала из того же шкафа вазочку с печеньем и подняла очи к небу, закрытому по случаю двумя мэрскими этажами, — и красавчик, хоть и старый.

«На журналиста и правда не похож, у них тут зарплаты в три копейки, еще меньше моей. Обувь бы купить нормальную раз в год… Может, бизнесмен заезжий? Хочет к мэру без очереди пролезть, чтобы.. ну может какой-нибудь завод построить на наших хлебных Заяжских полях... » — прикинула Бажена.

— Что же ты сказала?

Говорила архивариус в таких случаях всегда одно и тоже: «Нет, не было, таких не знаем, когда будет — неизвестно, на сайте указан номер приемной, звоните».

Бажена же, когда приезжали по архивную душу, поила проверяющих чаем и коньяком так долго и усердно, что инспектора добрели, хмелели и уезжали, подписав нужные бумаги. За пять лет работы Бажены до архива добралась лишь одна очень стойкая дама, но там же и заснула на пыльной коробке с подшивкой газеты «Известия» за 2001-2006 годы.

— Как обычно. Но он не ушел. Настырный, сидит пока в большой переговорке. — архивариус помогла Бажене достать оттуда же, из шкафа, небольшой подносик, чашечки, сахарницу

и вазочки с вареньем, — Боже, Божа! Какие у тебя ногти красивые! И вся ты у нас — любо дорого смотреть.

— Да читала всю ночь, интересно было до пряничной комы, — буркнула Бажена, впихивая вазочку с печеньем между чашечкой и сахарницей. Вазочек было восемь: одна с печенюшками, семь — с домашним вареньем различных сортов. Подносик, увы, на такой набор рассчитан не был.

— А эта твоя ругань с кулинарным уклоном, очаровательно!

— Я такая, — безрадостно подтвердила Бажена Рудольфовна, аккуратно прихватывая поднос с мэрским утренним чаем и мэрским будущим лишним весом.

Бажена за словом никогда в карман не лезла, но нервная работа ее доконала. Последний год она заметила за собой, что нет-нет, да срывается на непристойные выражения. Иногда даже сам мэр делал ей замечания, но не помогало. То одно, то другое крепкое словцо все чаще проскальзывало в речи, уже на автомате.

Приобрести дурную привычку просто, избавиться от нее — сами знаете. Часто в сотни раз сложнее. Бажена пыталась — все без толку.

Но вот уже несколько месяцев — как рукой сняло. Каждый раз, когда, по логике, Бажена собиралась ругнуться, из ее рта вылетало что-то про еду.

Те, кто не нравился мэрской секретарше, стали вдруг «чесночными пирожками», «горелыми коржиками» и даже «тощей куриной ногой». Звучало уже более прилично, но и более странно.

Потому девушка старалась теперь реже ругаться и контролировать эмоции.

Телефон перешел на жалобные ноты, захлебываясь. На особенно драматичном моменте дверь распахнулась и в приемную ворвался вихрастый мальчик лет сорока пяти с толстой дермантиновой папочкой в руках.

— Кулибин, скажу сразу, — Бажена вернула поднос обратно на стол, собираясь выставить хорошо знакомого ей посетителя, — не можем мы твои чудо-юды купить.

У великовозрастного мальчика даже вихор на виске немного поник. Но он все равно захлопнул за собой дверь, отрезая пути отступления.

— Ивакин, — робко проговорил он, — моя фамилия — Ивакин.

— Да хоть Иосиф Виссарионович! Это не меняет сути дела. — Бажена заняла боевую позицию, прикрывая собой дверь в мэрский кабинет. — К шефу не пущу!

— Но это же, я лак изобрел. — пролепетал мужчина, теребя дермантиновый уголок. — Впитываемость уникальная! Состав проникает в любую поверхность: от камня до металла! И в производстве гораздо дешевле! Если им стены покрыть, от двенадцати до двадцати лет не надо будет делать ремонт, сколько денег налоговых сэкономим, Бажена Рудольфовна!

— Ивакин! — Бажена выставила богатую грудь вперед. — Я все понимаю, но и ты пойми, у нас — бюд-жет! Сперва тендер выиграй у области на поставку своего лака, а потом приходи! Мы в Заяжске вообще ничего сами купить не можем, все сверху присылают!

— Но как же, экономия, — бормотал оттесняемый к двери Ивакин, — Я даже ИП открыл! Вот!

Бажена, дважды в неделю видевшая эту самую папочку, каждый раз с новым, по словам Ивакина, гениальным проектом, хладнокровно наступала на изобретателя, очень надеясь, что взгляд у нее если не испепеляющий, то хотя бы грозный.

— Ивакин! Не буди во мне внутреннего маньяка-людоеда, уходи по-хорошему, — ласково улыбнулась мэрская секретарша, демонстрируя трещину в стекле своей приветливости, скрывающей мэрзкую ипостась. — Обещаю, когда стану мэром, я у тебя обязательно что-нибудь куплю на благо города. А теперь — папку в руки, руки в ноги и дверь придержи, чтобы не хлопала!

Ивакин быстро оценил обстановку, пискнул и исчез за упомянутой дверью, сраженный Баженим авторитетом. Как обычно.

— Вот хороший мужик, — архивариус поставила на поднос забытый Баженой чайничек с кипяточком, — но как до сих пор не поймет, что мы тут ничего не решаем. Даже скрепки купить не можем сами, все по тендерам из областной присылают.

— А про ремонт вообще молчу, — кивнула Бажена, — бюджет на наш Заяжск на десять лет расписан, если кому сказать, что нам тут дома от двенадцати до двадцати лет красить не надо будет, в областном центре не менее пяти инфарктов будет в тот же день.

— И два нервных срыва, — архивариус прикинула что-то в уме и поправилась, — нет, три.

Прецедент уже был. Знаковый, с пристройкой к Заяжской мэрии здания морга. Собственно, его последствия они имели неудовольствие разгребать до сих пор в виде проверок и натравленных на них журналистов по поводам и, что чаще, — без.

Бажена еще раз посмотрела на разрывающийся телефон, мучимый с обратной стороны провода не иначе как корреспондентом местной газеты; отогнала парочку невидимых мух со своего пути, подхватила полностью укомплектованный поднос, перекинула через локоть сегодняшний «Коммерсант» и, наконец, отправилась к двери с табличкой «И. И. Хорьков. Мэр».

— Бажена Рудольфовна, я вас очень рад видеть!

Бажена Рудольфовна от искреннего проявления радости со стороны И. И. Хорькова с утра пораньше неловко запнулась о край ковра. Чашка опасно звякнула о край сахарницы.

Сохраняя спокойствие, она медленно, без резких движений, поставила поднос на стол, наполнила звонкую чашечку чаем, заварившемся уже до насыщенного кирпично-красного цвета, выложила перед сладко улыбающимся И. И. весь ассортимент мисочек с вареньем.

После чего позволила себе развернуться и осмотреть кабинет.

Увы, ее подозрения не оправдались. За её спиной, у противоположной стены, не просматривающейся от входа, не нашлось группы проверяющих из областного правительства, в присутствии которых мэр и правда становился сама любезность.

Значит, утреннее дружелюбие предназначалось не благодарным зрителям, а персонально и исключительно ей.

— Игорь Иванович, а вы по какой причине с утра такой добрый? — прямо задала она вопрос и села в кресло напротив.

— Думала, проверка приехала? — мэр стрельнул глазками в ее сторону и принялся намазывать на печеньку клубничное варенье. — И пока ты опаздываешь, проверочка эта ко мне прорвалась?

Бажена почувствовала, что покраснела. Не теряя, впрочем, невозмутимого вида.

«А он сегодня не только добрый, но и догадливый. Не к добру это все».

Мэр продолжил нагнетать обстановку своей доброжелательностью.

— Я, может быть, сегодня с утра понял, какой ты ценный и незаменимый сотрудник!

«А не пора ли мне рвать когти? — подумалось Бажене. — Уж слишком все это выглядит подозрительно. Начал с клубничного варенья, обычно с черничного начинает... расточает любезности без свидетелей. Что-то тут явно не так».

— У вас все хорошо, Игорь Иванович?

— У меня все прекрасно! — мэр проглотил печенюшку и принялся за вторую. К облегчению Бажены, на этот раз со своим любимым черничным вареньем. Значит еще в своем уме, раз различает. — А вот у тебя?

«Ну нет, уволить он меня не уволит. Работать-то кто будет?»

— У меня все нормально.

— Да? А я вот посмотрел, ты какая-то бледненькая, худенькая.

Бажена рефлекторно сглотнула, провожая взглядом третью печеньку с горкой клубничных ягодок. Смотреть на сладкое и не есть его она давно привыкла. И в другой день порадовалась бы «худенькой», а может быть даже и «бледненькой». Но все комплименты разом, усиленные непривычной добродушной улыбкой самого главного чиновника в Заяжске здорово сбили ее с толку.

— А не сходить ли тебе в отпуск? На недельку, а?

Бажена не выдержала и махнула рукой, отгоняя мелкую черную мушку.

«И здесь они! Все это варенье дурацкое! Налетели… Надо окна закрывать!»

— Ты сколько в отпуске не была? Год?

— Пять, — поправила его Бажена, — пять лет и четыре месяца.

— Тем более! Тем более! Такой ценный кадр, и пять лет без отпуска, как так вышло? — искренне удивился И. И.

— Так вы же и не подписывали, — напомнил ему ценный кадр, — у нас же то проверки постоянно, то важные дела, то подменить некому. А последний год еще и морг этот.

Игорь Иванович про морг прекрасно знал, но сделал вид, что не услышал.

— Вот видишь, Бальсова, сколько ты не отдыхала. Не хочешь на неделю, так давай на месяц, а? А я пока тебе квартиру служебную оформлю.

Бажена, уже здорово распереживавшаяся за И. И. после его предложения недельного отпуска, и вовсе расстроилась.

«Как же это я не досмотрела, как не заметила. Неужели с ума сошел? Как же это мы без мэра?! Теперь жди, пока нового выберут. Да и замена может приехать не лучшая. К этому-то прохиндею привыкли. Хоть и неприятный тип, но свой».

— Какая еще квартира, я с первого дня за свой счет снимаю, — Бажена попыталась вернуть шефа на землю, — вы же сами говорили, что служебное жилье выбить сложнее, чем бюджет.

— Ну мороки много, согласен,— кивнул начальник, — сложно, но возможно, хе.

— Игорь Иванович, что происходит? Отпуск на месяц, квартира служебная, вы в своем уме такое предлагать?

— И автомобиль, Бальсова, — он достал батистовый платочек и протер лысину, — с водителем!

Платочек лично вышивала мэру любимая теща, которую тот ценил безмерно. В первую очередь за те самые семь сортов вкуснейшего, экологически чистого домашнего продукта, состоящего из ягод, сахара и не иначе как тещиной любви, которые та ежегодно поставляла к мэрскому столу.

Во вторую — за тещиного мужа-генерала, который и помог устроить родственника на хлебное место.

Это Бажене девчонки из бухгалтерии разболтали по секрету еще в первые дни работы, когда она этот платочек чуть в помойку не утилизировала, еле спасли бесценный артефакт.

— Да что вообще происходит, Игорь Иванович? Объясните наконец!

— Хорошо. — Игорь Иванович сложил свои большие руки на круглый мэрский живот и доверчиво заглянул ей в лицо. — Приехал родственник твой, с утра ко мне зашел, — мэр тяжко вздохнул, вспоминая о встрече как о чем-то крайне неприятном, — говорит, увезет он тебя от нас, Баженочка.

Баженочка осмотрела мэра визуально и пришла к выводу, что сумасшествие как минимум в этом конкретном мэрском случае не проявляется внешне никак, кроме доброжелательности.

— То есть, приехал какой-то мужик... — начала Бажена медленно, стараясь проговаривать слова так, чтобы Игорь Иванович, в каком бы он ни был состоянии, точно все сказанное

понял. — Пришел к вам, мэру города, пока меня не было. Сказал, что он мой родственник, хотя вы прекрасно знаете, что я сирота и родственников у меня никаких нет. Сказал вам, что забирает вашего секретаря и вы решили, что так оно и будет?

Мэр коротко кивнул и добавил:

— Документы, он показал документы.

— И вы ему поверили? — Бажена Рудольфовна была зла, очень зла. И уже почти этого не скрывала. — Совсем мошенники обнаглели! Подождите-ка, — в голове Бажены вдруг несколько пазлов сложились в кусочек картинки. — Это не он ли в большой переговорке сидит и меня ждет?

— Он, — пролепетал мэр.

— Сейчас я ему покажу, — Бажена вскочила, роняя стул, — он у меня сейчас получит лучей родственной любви по самое… — зашипела она, несясь к двери, — черничное варенье!

Игорь Иванович, забыв про семь сортов вкуснейшего продукта, бросился следом.

— Баженочка Рудольфовночка, два месяца отпуска! В санатории на Черном море! За счет мэрии! Только не уезжайте, как же я без вас оди-и-и-и-ин! — причитал он уже совсем-совсем искренне.

«Как в Испанию на две недели, так все нормально, а как проверку из областной разруливать, так он один, ну-ну!» — мстительно припомнила Бажена, пинками распахивая двери на своем пути.

Столы в большой и единственной переговорной провинциальной мэрии, ещё вчера вечером сдвинутые кругом перед приездом проверяющих, заполонили почти весь зал.

С противоположного края, у окна, сидел мужчина в темно-синем пиджаке и говорил по телефону. Его кудрявые волосы, светло-серые, окутывали голову серебристым, почти белым на просвет, шаром.

На хлопнувшую дверь мужчина не обратил внимания, хоть Бажена и постаралась обставить свое появлению поэффектнее.

Мэр немного отстал, но его шаги отчетливо слышались в коридоре.

Бажена сделала шаг вперёд, чувствуя разгоряченные на нервной почве щеки. Невольно поморщилась, понимая что и красное лицо, и шея, покрытая крупными пунцовыми пятнами, точно не делают её красавицей.

«Ничего, — подумала она, — так даже лучше!»

Мужчина у окна повернулся. Телефон медленно скользнул из его руки и мягко тюкнулся о кафель, теряя ценные детали и работоспособность.

Он молчал, Бажена — тоже.

Вопросов о степени родства у нее больше не было. Не нужно было никаких документов доказательств.

Мужчина смотрел на нее бледными серо-зелеными глазами. Того неуловимого оттенка, будто смотришь сквозь зеленоватое стеклышко на серое пасмурное небо…

##Глава 2. Самолётик «De Dal» и новые родственники

— Серхио, признайтесь, вы колдун?

— Как вы пришли к такому выводу? — спросил ее собеседник на русском, с легким, почти незаметным акцентом.

При ближайшем рассмотрении мужчина оказался высоким и широкоплечим блондином с шапкой кудрей. Как у Бажены, только Серхио, её новый родственник, волосы не красил и не стеснялся своего природного мышино-серого цвета.

Он заметил, что девушка разглядывает его, отечески улыбнулся и убрал в карман новенький, получасом ранее купленный, телефон.

Предыдущий, разбившись о пол Заяжской мэрии, восстановлению не подлежал.

— У меня по бюрократии черный пояс, третий дан, — Бажена помахала перед его лицом новеньким загранпаспортом, — невозможно без магии какого-нибудь высшего порядка сменить фамилию и оформить шенген. И все за сутки! Не выезжая из Заяжска! — Бажена в очередной раз открыла паспорт и добавила контрольный, добивающий, аргумент. — Шенген на три года!

«Bazhena Drakuleshti» — красовалась надпись рядом с фотографией, собственно, Бажены.

В строке «Отчество» ничего не значилось и это было непривычно. Серхио её успокоил. Сказал, что так положено.

В Европе вообще и в Румынии в частности не принято писать отчество, даже понятия такого нет.

«А в твоем случае отцовство не имеет никакого значения», — добавил он, но пояснять не стал.

— Кстати, теперь-то объясните до конца, почему фамилию мне поменяли? — спросила Бажена, когда двигатели крошечного частного самолетика начали реветь чуть ровнее и стало возможно разговаривать.

— Набрали высоту, — высунулся из кабины мальчик-одуванчик с солнечной улыбкой и шапкой светло-серых, точно как у Серхио, кудряшек. Акцент у него был гораздо заметнее, чем у Серхио. — Когда будут разносить напитки?

Бажена намек на работу бортпроводницей проигнорировала. Серхио также.

— Ладно, — вздохнула девушка. — Тряхну своей секретарской стариной. Держи баранку, пожалуйста, покрепче, и получишь свои напитки. — сказала она просиявшему одуванчику. — Тебе кофе или минералку?

— Кофе!

— Тебе в ладошки или за шиворот? — самолетик тряхнуло, Бажена успела ухватиться за спинку кресла. — Кстати, советую минералку, она для кожи полезнее!

Мальчик оценил предложение, побледнел и исчез в кабине. На всякий случай тщательно закрыв дверь со своей стороны.

— Ну вот, я же пошутила, — Бажена картинно вздохнула, — кофе тоже неплох, если не очень горячий. А если со жмыхом, то и скраб отличный. — она откинулась на одно из двух кресел, которые вмещал в себя крошечный самолетик.

«De Dal» — прочитала она название, пока внутрь грузили ее невеликий багаж.

Сперва подумала, что это название авиакомпании. Но оказалось, что никакой авиакомпании нет. Самолётик был частной собственностью семьи, члены которой разместились в данный момент на его борту. А «De Dal» — это его, самолетика, собственное имя.

— Семейный авиапарк, — пояснил ей Серхио, — так сказать, для нужд и посильной помощи населению.

А ещё объяснил, что самолетиком могут пользоваться все члены этой самой семьи.

— Даже я?

— Ты — тем более! Если хочешь, выучись на пилота и сама летай.

Бажена представила себя за штурвалом и поежилась. В своих способностях к вождению самолетов она была крайне не уверена. Возможно, нет у нее никаких таких способностей. А проверять — страшно не хочется. Да и в целом — страшно.

— Ну уж нет, благодарю покорно. Меня вполне устроит самолет с личным водителем. Ой, то есть, пилотом.

Пилот, подозрительно юный и не менее подозрительно веселый, — не нанятый для частного извоза сотрудник авиакомпании, а родной племянник Серхио — Раки Дракулешти. Которого Бажена с первых минут стала звать не Раки, а Ракий. Почему? Ей показалось, что так будет забавнее.

— Фамилию мы сменили по двум причинам. — Серхио Дракулешти вернулся к заданному Баженой вопросу. — Во-первых, ты имеешь полное право носить фамилию Дракулешти. Определенно и безусловно, ты — одна из нас.

Бажена кивнула. Родство и правда сложно было отрицать. Все они на этом самолетике: Ракий, Серхио и Бажена были похожи, как самые ближайшие родственники. Хоть на деле Серхио и был ей каким-то пятиюродным дядей по какой-то там линии.

— А вторая причина?

— Проще будет оформить полагающееся тебе в Трансильвании наследство. Земли в Румынии, фабрики, производства, счета в банках, — перечислял Серхио Дракулешти полагающееся ей имущество, — И самое главное...

— Подождите-ка, что по поводу счетов?? — Бажена нервно заерзала в кресле. — Не хочется приехать и узнать, что мне надо заплатить какие-нибудь жуткие налоги на землю и прочие ваши европейские штучки, а на счетах шаром кати.

— Исключено, — Серхио протянул ей папку.

В ней лежали заверенные у нотариуса и специально переведенные для Бажены документы. Счета… впечатляли. помимо счетов, Серхио то ли забыл, то ли не успел, то ли не посчитал нужным упомянуть о паре инвестиционных фондов, которые также управляли солидной частью её (вот это да!) средств. Впрочем, доступ к ним она могла получить после полноценного вступления в права наследницы.

— Да этого же на бюджет небольшой страны тянет! — Бажена прикинула в уме возможные траты даже этой, видимо, совершенно не основной части внезапно рухнувших на нее богатств, и добавила, — или большой, но не такой богатой.

— И самое главное... — Серхио аккуратно сложил руки на коленях, ожидая, пока Бажена успокоится, но та перебила его.

— Серхио, так не бывает!— документы выглядели более чем настоящими даже после детального изучения специалистом, которым Бажена, без каких-то комплексов и предрассудков, себя и считала. — Почему я? Неужели не нашлось других желающих в той же Румынии? В чем подвох? Почему вы, например, просто не забрали деньги, а потащились в наше захолустное Поволжье?

Он отечески улыбнулся.

— Очень много вопросов. — Серхио хорошо говорил по-русски, разве что сухое русское «ч» у него получалось больше как мягкое «щ». Было видно, что он старался показать чистый выговор, забывая о нем в моменты беспокойства. — И ты получишь на них ответы, Бажена.

Она задорно приподняла бровь и демонстративно прошлась глазами по внутренней обшивке самолетика, намекая на полное отсутствие других собеседников, которые могли бы отвлечь Серхио от ответов на вопросы прямо сейчас.

— Я потащился бы, — он будто попробовал на вкус новое слово, — в ваше захолустное Поволжье и куда-то еще дальше, чтобы найти тебя.

Он вздохнул.

— Мы, трансильванцы, чтим право собственности. Мы никогда бы не взяли твоей доли. Она твоя по праву крови. Всей семьей мы сожалеем лишь об одном — что не нашли тебя раньше. Тогда все было бы гораздо проще

Самолетик тряхнуло, серебристые кудри Серхио подпрыгнули в воздухе, сбились ему на лицо. Бажена вцепилась в кресло, но больше воздушных ям не было.

Трансильванец убрал светлую прядь с лица и Бажена заметила, как погрустнел этот взрослый мужчина.

— А… если я откажусь от наследства, кто его получит? — вдруг спросила Бажена, сама не зная зачем. — Или вдруг какие-то родственники появятся, не отягощенные трансильванским благородством?

— Это решительно невозможно. — он удивленно посмотрел на нее, будто увидел впервые. — Ведь ты же…, — он точно хотел что-то сказать, но остановил себя на середине и развернул предложение в другую сторону, — ты же наследница. Никто не посмеет оспорить твои права. Процесс уже запущен.

— А я думала, для этого нужно хотя бы разок к нотариусу наведаться.

— Бумаги — формальность, — улыбнулся Серхио, — неизбежная формальность для светских властей. Ты принята в семью в момент рождения, Бажена. И вступила в право наследования в Мэрцишор, первого марта. Кстати, в марте с тобой не происходило ничего... странного?

Бажена задумалась.

— Да нет. Ничего особенного, — неуверенно ответила она.

##Глава 3. 8 марта, о котором Бажена не помнит

Бажена Дракулешти, из личных записей

Восьмое марта! День, в который женщина получает подарок, равнозначный подарку мужчине на двадцать третье февраля, прошел, в общем-то, как всегда.

Коллектив в мэрии преимущественно женский, потому надежды на достойные презенты развеялись у меня еще пять лет назад, когда я вышла на новую работу.

«Мальчики» во главе с мэром собрали нас в большой переговорной. Большой она звалась не потому, что у нас есть еще средняя и малая. О нет, переговорная у нас была одна единственная. Она же зал для пресс-конференций и фуршетная комната. Иногда даже зал для допросов. Многофункциональное помещение.

А что делать, если мэрия в Заяжске в одном здании с отделением полиции, отделением почты, судом и загсом? В прошлом году один умник из областного правительства предложил ещё морг пристроить. К счастью, хранить живых чиновников и мертвых жителей в одном помещении не положено по ГОСТу.

Привыкшие ко многому, в общем-то, произволу со стороны властей и соседствующих структур, тут мы все объединились: судья лично ездил в столицу, общаться с однокурсниками для способствования делу, полицмены ерзали на стульях и обещались устроить инициативному уплотнителю веселую жизнь, мы с директором загса штудировали требования к госучреждениям, мэр солидно надувал щеки.

Проблема отягощалась тем, что под строительство в области уже были выделены солидные средства, которые наверняка уже разворовали и возвращать не захотят.

Угроза неминуемого и столь близкого соседства с гражданами так сплотила наши ряды, что новогодний корпоратив мы отмечали дружно, все вместе, передавая из рук в руки письмо об отмене злополучного строительства.

Потом был День защитника отечества, и вот «Женский день» мы тоже отмечаем все вместе.

Жаль, что нельзя каким-нибудь ГОСТом отменить чтение «мальчиками» унылых стишков, которые мы же им понапосылали в воцап за этот год. Дарили бы уже цветы, конфеты и отпустили бы по домам. Короткий день, все-таки!

Никогда не забуду, как архивариус из полицейского отделения косилась на тарелку с нарезкой во время поздравлений. Да что там! Она в процессе стащила и сжевала пару колбасных кружков. Вот дает!

В общем, весь праздник «девочки» старательно делали вид, что очень рады корпоративу и пытались развлечь себя, чем могли: архивариус невозмутимо жевала колбасу, директор ЗАГСА ругалась с дочерью по смскам… Я сидела ближе всех к мэру и, глядя на его представительную фигуру, пыталась подобрать рифму к пришедшему в голову стихотворению:

Едва ль найдешь теперь в России

Две пары крепких мужских… поп? полупоп? ягодиц?

Так и не подобрала. Не нашлось вокруг крепких полупоп для вдохновения.

Пухлых, рыхлых, жирных и толстых – сколько хочешь!

Но домой и правда удалось уйти пораньше. Букетик тюльпанов забрала — пусть и мал веник, но весь мой!

Конфеты самоотверженно подарила директорше из ЗАГСа. Ей терять нечего, она замужем, двое детей, так что пусть питается, чем хочет. А мне, увы, конфеты противопоказаны.

Вот и все подарки.

Бажена Рудольфовна ознаменовала печаль по добровольно утраченным кондитерским изделиям скорбным вздохом и открыла дверь съемной квартиры.

«Не так, не так я себе представляла восьмое марта в тридцать два года. Где цветы? Где поклонники?»

***

Ключи звякнули о пол. На кухонном столе, видном от входной двери, стояло ведро. В ведре стоял огромный букет, роз на двести. Ведро было самое обычное, купленное Баженой в ближайшем хозяйственном магазине. Его ядовито-зеленый цвет и, тем более, скромный размер явно не соответствовали размеру букета и оттого тот смотрелся ещё шикарнее.

— Это что еще за номер? — пробормотала Бажена и получила в ответ громкий мяв.

— Анфиска, мне, конечно, приятно до невозможности, но в следующий раз давай лучше деньгами подаришь.

Бажена включила свет и подняла на руки толстую полосатую кошку. Кошка заурчала и прямо на руках попробовала свернуться калачиком.

— А Варька где? — отыгрывала Бажена строгую мать семейства. — Или она за подарками ушла?

Легкое беспокойство перерастало в тревогу. От входа было видно и кухню и небольшую комнатку. Там в наличии были только диван и крошечная тумбочка. На большее хозяйка квартиры не раздобрилась. Спрятаться дарителю цветов в ней было определенно негде. На кухне тоже никого не оказалось.

— Мряу, — из-за букета выглянула скромная Варя.

— Вот тебе и мряу! — Бажена, разглядывая потолок, ослабила хватку и Анфиса сползла на пол, — Что-то этого пятна тут раньше не было. Похоже на след ботинка.

— Фшшш, — Варька вдруг решила, что Бажена недостаточно ей уделяет внимание, и перешла к решительным действиям, — Рмя!

Пушистенькая кошечка извернулась и прыгнула на шуршащий край букетной упаковки, непрестанно работая лапкой. По кухне резво полетели шелковистые белые лепестки.

— Варька, задница ты меховая! — только и успела взъяриться Бажена, как ведро с заботливо налитой кем-то водой качнулось.

Жидкость плеснула на пол, за ней посыпались шипастые стебли. Сверху упало ведро. Варька, перевернувшись в прыжке, оттолкнулась, кажется, вообще от воздуха и довольно мурчащей ласточкой взлетела на штору.

Бажена, будучи умудренной жизнью взрослой одинокой женщиной пренекрасивейше, но от души, выругалась.

И сразу же засожалела о сказанном.

«В последнее время часто ругаюсь, нервы не к черту. Надо бы с руганью завязывать, а то привыкну. — и тут же подумала. — Ох, сладенького бы».

Но сладенького не было.

Анфиса брезгливо дернула намокающей лапкой и полезла обратно на Бажену прямо по хозяйской ноге.

— Нет, девочки, подарок на день кошек не ждите, — Бажена отлепила жмущуюся к сухой хозяйке животину и отправилась за шваброй, — в общем, все как обычно. Пока другие воют, я работаю.

Варя взвыла и кокетливо повисла на гардине. Из-за шторы выпала круглая медная тарелочка.

— И вообще, что за мухи у нас летают, развели антисанитарию. — Бажена помахала рукой перед лицом, отгоняя противные черные точки, но скоро принялась за стремительно растекающуюся лужу под заунывный вой «меховых задниц». — Вы, конечно, всегда были куку, но сегодня — особенно!

Штора в соседней комнате заколыхалась безо всякого ветра, но хозяйка шаловливых соседских кошек видеть этого, конечно же, не могла.

Глава 4. День Сюрка

3 мая, где-то над Румынией

За стеклом блеснули попеременно блеснули на солнце крыло самолетика и верткая Бистрица. Речка извивалась, будто была корнем обезумевшего растения, перепутавшего верх и низ.

«Кажется, что корень стелется по полям, — подумала Бажена, — а ботва… ботва тогда должна расти куда-то вглубь земли».

Небо над Румынией радовало хорошей солнечной погодой и жгущей глаза ослепительной голубизной.

Серхио Дракулешти достал из небольшого барчика бутылку шампанского и пару бокалов.

— Твое место в Румынии, твоя судьба — стать хранительницей наших земель и хозяйкой замка Дракулы.

— Вы серьезно, Серхио? — Бажена отвлеклась от вида речки, привлеченная видом пробки, вылетающей из бутылочного горлышка— Не могу избавиться от ощущения Дня Сюрка, — призналась она, подставляя свой бокал. — будто все происходит не со мной. И только-только все в норму, как вы снова говорите странное. Вот сейчас я правильно поняла? Дракула, который популярный вампир?

То ли голос Бажены местами заглушал рев моторчика, то ли сказывалось лингвистическое любопытство румынского родственника. Но факт остался фактом. Серхио в первую очередь заинтересовался загадочным русским праздником — Днём Сюрка.

Пришлось Бажене отвлечься от собственных скомканных мыслей, и развернуто объяснить, что мол, нет, День Сурка не имеет никакого отношения к Дню Сюрка. И вообще, сюрок — это очень редкий, почти неуловимый зверь. Приходит в дни, когда все идет наперекосяк. Или делает так, чтобы ситуация, мягко говоря, усугубилась до легкой степени безумия. Иногда и до тяжелой.

— О! Понимаю! — закивал пепельными кудрями Серхио. — У нас такое бывает часто. Помню, последний раз как раз на Мэрцишор.

«Да что у них там было? На этот их Мэрцишор?»

Тут он умолк, отвернувшись в сторону. Но уже через мгновение, наконец-то, сам вернулся к рассказу о Дракуле. Бажене было интересно, но последние полчаса она никак не могла придумать, как бы невзначай его расспросить.

— Когда я говорю «Дракула», я говорю, конечно, не о Владе Цепеше. — он усмехнулся. — Ты же сразу подумала про колосажателя, верно? Твой замок принадлежал Владу Четвертому, его сыну. А Дракул — это его, как бы сказать...

— Фамилия?

— Пусть будет и фамилия. В первую очередь тебе нужно будет привести замок в достойный вид.

Со слов Серхио, Влад, тот самый, Четвертый, очень любил этот замок. И в обязанности Бажены, как наследницы входил «уход за замком и территорией вокруг». Как поняла Бажена, уход замку требовался, но окончательное решение о его судьбе должна была принять именно она.

— А в чем проблема? Почему без меня никак? Или ещё одна формальность, как с вступлением в наследство?

Тогда ей совершенно не показалось странным, что старинное сооружение нельзя ремонтировать и строить без её согласия — другая страна, другие законы. А штрафы в Европе — ух! Наверняка баснословные, шаг в сторону без согласования — без штанов останешься. Что говорить о несанкционированном ремонте старинного замка!

— Необходимость, Бажена, — ответил Серхио, — мы можем сколько угодно стричь газоны вдоль стен, но только истинная наследница вдохнёт жизнь в эти земли.

Бажена вздохнула. Часто было непонятно, но она делала скидку на языковой барьер.

Да, это настоящее чудо, что Серхио, ни разу не бывавший в России до этого момента, знает русский. Но учился, он, видимо, по каким-то дореволюционным учебникам. Наполненным поэзией и метафорами, от которых Бажена, прорвавшаяся в детстве через все прелести лихих девяностых, была далека, как эти самые девяностые от возвышенных четверостиший поэтов Серебряного века.

— Серхио, — мягко перевела тему Бажена, — вы говорили, что подготовили мне какие-то материалы, почитать, пока мы летим.

— Да, конечно, — он кивнул на картонную коробку по правую руку от её кресла, — я подобрал из то, что было издано на русском языке. Думаю, с чем-то вы уже знакомы. Лететь еще два васа, вы быстро читаете?

— Полтора, — послышался крик из-за перегородки.

— Даже не думай, — крикнул в ответ Серхио и пояснил Бажене, — Раки очень молод и любит скорость. Это может быть опасно.

Из-за перегородки донеслись слова Раки на незнакомом Бажене языке. Серхио нахмурился и что-то ответил пилоту. Выражение лица у него было при этом отечески строгое, даже немного суровое. Через мгновение зашумело в ушах. Очевидно, Раки послушался и сбросил скорость.

— Сунул ракий рукий в рекий, рак за рукий ракий цап… — задумчиво пробормотала Бажена, потроша коробку. — Серхио, изволите шутить?

Она отложила первую книгу в сторону и достала вторую, удивившись не меньше.

— Что такое, Бажена?

— Скажите еще, что вы мне сюда Брэма Стокера положили, — она вытащила третий том красно-черной серии про вампиров.

— Вообще-то должен быть на самом дне. — Серхио озадаченно взял в руки книгу. — Читали? Как нет?! — удивился он, когда Бажена отрицательно покачала головой. — Он же один из родоначальников жанра!

— Серхио! — Бажена успокаивающе погладила томик Энн Райнс, успокаивая, в первую очередь себя, а потом уже знаменитую писательницу. — Я пять лет работаю по двенадцать часов в день, без отпусков и часто — без выходных. Какой Брэм Стокер, я от своей единственной подруги сообщения в воцапе читаю, дай бог, раз в неделю!

Серхио поморщился. Бажене показалось, что он вообще её не слушал.

— Бажена, вы бы пореже поминали бога. У нас в Мирчаша Дола это немного не принято.

Бажена всмотрелась в его лицо снова. Серхио было лет сорок, не больше. Высокие скулы, прямой нос, гладко выбритые щеки. Темно-серые, дымчатые брови и ресницы. Как у Бажены. И глаза. Она при любой возможности смотрела ему в глаза. Серо-зеленые. Такие были у её бабушки, мамы, старшей сестры. Когда-то очень давно. Она думала, что забыла о них, но глядя в глаза своему новому родственнику, их лица вставали перед глазами.

Она поверила ему мгновенно, сразу и полностью. От него исходила какая-то невероятная сила и уверенность. В каждом его слове чувствовалась подкупающая честность и доброта.

Бажена доверяла ему, но ведь никто не запрещал ей задавать вопросы?

— Что еще я не знаю, Серхио? Лечу тут в какую-то Мурчащу Долу со странными порядками. В самолете у вас вместо инструкций книжки про вампиров. У вас там что, круглогодичный Хэлоуин?

Серхио Дракулешти внимательно осмотрел кончик Бажениной туфли и поправил манжеты рубашки, будто всё, что его интересовало сейчас, это внешний вид. А Бажена? Бажены тут будто не было.

Она продолжала смотреть, всем своим видом давая понять, что требует пояснений и нет, Бажена Рудольфовна не отстанет просто так!

— Вам стоит снять православный крест, — добавил он.

— Вот ещё! — девушка сжала руки на крошечном серебряном крестике. — И не просите!

Крестик был недорогой, но памятный и необычный: с вензельками и листочками по краям.

Бажена носила его с раннего детства и даже не помнила, когда надела в первый раз. Казалось, он был всегда.

Точно такой же, в пару, бабушка когда-то подарила и ее старшей сестре. Когда-то, когда все еще были живы: и сестра, и родители.

Сейчас, когда и бабушки уже не было, крестик стал для нее еще ценнее. Расстаться с ним — да ни за что!

— Не прошу, советую. А по поводу инструкций… Когда мы прилетим, их будет предостаточно. Но я настоятельно советую прочитать работу сэра Стокера. Уверен, Влад хотел бы этого. Обрати внимание на описание дома в романе, — посоветовал трансильванец, — используйте имеющееся время. Потом читать будет некогда.

Что-то неуловимое в его голосе наводило на мысль, что это не шутка.

Читать, так читать. К бессмысленным поручениям взрослых мужчин Бажена давно привыкла. А после ежемесячной ковровой рассылки поздравлений всем областным чиновникам с каким-нибудь праздником ей и вовсе ничего не было страшно. Она вдруг вспомнила про свой личный рекорд — 69 поздравительных факсов «С днем наркоконтроля!» в 69 отделений наркоконтроля. Почему 69, мэр так ей и не объяснил, но Бажена, как верный солдат, не задавала вопросов. Вот и сейчас, похоже, стоило просто взять и прочитать, лишним не будет.

— Любопытно, роман Брэма Стокера начинается 3 мая. И третье мая как раз сегодня! Совпадение? — Бажена открыла книгу на первой странице и добросовестно углубилась в содержание. — Кстати, вы так говорите о Владе Дракуле, будто он — ваш родственник.

Она многозначительно посмотрела на Серхио.

— Ну почему же мой, — улыбнулся пепельноволосый, — наш.

##Глава 5. Дома с глазами

Прошло около часа, когда динамик у Бажены над головой пискнул, крякнул и затрещал голосом Ракия:

— Уважаемые пассажиры, пассажирки и просто родственники! Говорит капитан воздушного судна «De Dal» — Раки Дракулешти! — самолетик упал в облако и за стеклом стало бело. — Мы снижаемся и скоро прибудем в Мирчаша Дола. Спасибо, что воспользовались услугами нашей авиакомпании, ой!

Под управлением веселого капитана, воздушное судно весело махнуло кому-то крылом. Коробка с книгами про вампиров поехала в хвост салона, набирая скорость.

— Скоро мы приземлимся! — продолжил нагнетать обстановку капитан. — В целях безопасности советую не бегать по салону. Шторки на иллюминаторах можете не задергивать. Ремни безопасности по желанию. Кстати, они у нас вообще есть? Впрочем, уже поздно проверять. И постарайтесь шампанское допить до посадки. — он хихикнул, — Пока тетя Кара не увидела.

— Ракий! — хором крикнули Бажена и Серхио в сторону кабины пилота.

Девушка — возмущенно, Серхио — ворчливо. Коробка доехала до стены, перевернулась и несколько книг вылетело прямо в воздух. Пушистые пряди непристегнутых пассажиров на долю секунды взмыли вверх, в то время как сами пассажиры остались в креслах.

Свободное падение длилось долю мгновения, показавшееся не набожной Бажене вечностью, полной молитв и покаяния в грехах перед любыми из богов, с которыми сейчас ей придется встретиться.

Серхио успел подхватить со столика бокалы с недопитым шампанским. Самолетик в последний раз тряхнуло — они приземлились.

Серхио Дракулешти внимательно посмотрел на девушку. Цветом кожи та сровнялась с цветом своих светлых серо-голубых глаз. Трансильванец протянул ей бокал.

Молча они осушили их до дна.

— Серхио, — прошептала она, — он всегда так?

— Нет, что ты, — успокоил он Бажену, — обычно всё гораздо хуже.

***

Свежее зелёное поле, в центре которого заглушил двигатели De Dal, колыхалось тревожными волнами.

Рассеченное пополам чёрной линией взлетно-посадочного полосы, меньше всего оно напоминало место посадки летательных аппаратов.

Не было ни здания аэропорта, ни ангара, ни даже какого-нибудь навеса.

Да и сама взлётно-посадочная полоса при ближайшем рассмотрении оказалась банальной дорогой.

Пусть и чуть расширенной в месте, где Раки, как он сам выразился, «нежненько поцеловал родную земельку».

Ещё вчера Бажена восхитилась бы идеальной гладкостью асфальта и красотой гор, встающих резко вверх по краям маленькой долины.

Она прыгнула бы в сочную траву и носилась бы за бабочками, счастливо напевая что-то про солнечный день, солнечный пень, солнечную себя и...

Но это вчера. Сегодня Бажена медленно и крайне неизящно соскользнула с трапа и оперлась о борт самолетика, бессмысленно глядя куда-то в сторону и страстно желая прилечь. Она не сразу заметила, что на поле они не одни.

У края дороги, на самой границе разгоряченного асфальта и сочных трав, стояла женщина в черном

Ветер сорвал с ее головы платок и бешено трепал короткие черные волосы, остриженные чуть ниже мочек ушей. Женщина успела поймать платок и теперь держала его в руках, стояла и улыбалась. А длинные концы платка, черного, как и вся её одежда, крыльями бились о капот огромного чёрного внедорожника у нее за спиной.

А её лицо! Оно уместно смотрелось бы на монетах верхнего и нижнего Египта трехтысячелетней давности: бледная кожа, узкие крылья носа, большие черные глаза и бархатные ресницы.

Стройная, узкие плечи,, руки с длинными пальцами, украшенными маленькими аккуратными ноготками. Кроваво-красными, в тон помаде..

Она выглядела чуть старше, но Бажене почему-то показалось, что внешность никак не отражает реальный возраст красавицы.

— О-о-о, настоящая вампирша, — пояснила сама себе Бажена тоном гида, которому повезло во время экскурсии на болота показать туристам настоящую цаплю, живую змею, мертвую лисицу или другую неуловимую достопримечательность. Стараясь не растерять восхищение, она на всякий случай придвинулась поближе к Серхио. Тот помогал Ракию с самолётиком.

— Серхио, а она не опасная? И почему солнца не боится?

Серхио что-то пробормотал про Заяжских туристов obbligo morale и вернулся к своему делу. То ли заправлять, то ли наоборот — сливать топливо.

— Тетя Кара! — Раки высунулся из салона и активно замахал рукой в сторону автомобиля.

Пока он вытаскивал багаж из салона и укладывал в багажнике джипа, Серхио представил неестественно бледной Бажене очень естественно и прекрасно бледную Кару Дракулешти.

Она оказалась не вампиршей, и даже не чьей-то свеженькой вдовой, а его, Серхио Дракулешти, женой.

Бажена представилась.

— В Мирчаша Дола редко удается поговорить по-русски, — ответила Кара сказала она вместо неловкой паузы, которую ожидала Бажена, — так что я вдвойне рада твоему приезду. Многие здесь знают твой язык, но со временем тебе, конечно, стоит выучить два-три местных наречия.

Она поправила черные пряди, вороньими перьями рассыпанные по лицу и пояснила:

— Мы в центре Европы. Балканы — место оживленное, много людей, много языков. Сама не заметишь, как через пару лет заговоришь на румынском и немецком.

— Вовремя мы, — сказал Серхио, глядя на небо. Ветер усилился, — начинается гроза.

— Будет дождь. Это хорошо. – Кара посмотрела на Бажену и добавила, – Может, теперь дождь поможет. !, Пока тебя не было, – сказала она, обращаясь к мужу, – треть лоз на восточном склоне засохли. Я ничего не смогла сделать, прости.

Серхио плотно сжал губы, но ничего не сказал, обнял жену, замер на мгновение и тут же отпустил.

– Поедемте, – сказал он, – нас ждут.

Кара взлетела на место водителя в кресло джипа и тронула тонкими пальцами огромный руль.

Рядом с её хрупкой фигуркой он больше походил на штурвал какой-нибудь каравеллы из восемнадцатого века.

Они бывали размером и со взрослого мужчину. Женщине просто не хватило бы сил его удержать.

Но в двадцать первом веке многое изменилось.

— Удивлен, что торжественная делегация не встретила нас в поле, — тихо, но внятно пробормотал Серхио, захлопывая дверцу за усевшейся сзади Баженой.

Сам он разместился рядом с женой, на переднем пассажирском.

В последний момент, когда Бажена уже решила, что Раки останется в самолете, тот запрыгнул к ней, назад.. Бросил под ноги свою небольшую походную сумочку и от души потянулся.

— Поле было признано недостаточно торжественным, — поделилась Кара, выезжая на дорогу.

Дорога уходила за ближайшую гору и там терялась.

— Кем? — Раки устроился поудобнее рядом с Баженой.

— Мной. — Кара загадочно улыбнулась. — Помимо прочего, взлетное поле не очень удобно для проведения народных гуляний. Ты же знаешь, если приедет главная семья, все остальные тоже подтянутся. С детьми, женами и стариками.

— Наверняка еще и с домашними животными! — вставил Раки, улыбаясь так искренне и наивно, что желание дать ему подзатыльник почти сразу пропало.

— Наверняка, — серьезно кивнул Серхио.

Новые родственники говорили на русском. Видимо, чтобы не смущать Бажену. Но она все равно слушала из-за всех сил, пытаясь понять, что к чему.

«Мало ли, вдруг чего не пойму? Или пойму не так?.. »

Она очень боялась, что упустит суть слов из-за пресловутого языкового барьера.

Пока все было понятно и она даже расслабилась, отвернулась к окошку. За стеклом закончилось поле и должна была начаться гора. Но начался дождь.

Сразу и резко, будто кто-то перевернул ведро с водой. Очень больше ведро. Картинка смазалась и пропала. Вода била в крышу так, будто это не вода, а камни.

— Дорога до города узкая, была бы ужасная пробка и туда, и обратно, — продолжила Кара, — Выезжать встречать пришлось бы заранее, а значит многие будут ждать по нескольку часов. Значит надо было организовать для всех горячее питание, развлечение, привезти биотуалеты, — перечисляла жена Серхио.

Раки хохотнул. Бажена молчала — стеснялась перебить.

— Бажене с дороги захочется в душ, отдохнуть, прилечь, а значит нужно было бы организовать комнату отдыха. Такие мероприятия за пару часов не делаются. — продолжала Кара — А раз уж все собрались, то почему бы не показаться, не выступить и ей, и Теодору?

«Перед кем выступить? — подумала Бажена. — Перед новой родней? Это они так знакомство называют? Но зачем комната отдыха и биотуалеты? Это же не день города!?»— подумала она, но промолчала.

— Теодор такой Теодор, — вздохнул Серхио и прикрыл глаза, вспоминая не иначе как помянутого Теодора.

«Интересно, это что за Теодор?»

— Тетя Кара, — Раки был серьезен, что само по себе казалось подозрительным, — Трансильванские авиалинии благодарят вас за спасенное взлетно-посадочное поле. — и пояснил Бажене. — Теодор, это мой папа. Он очень ответственно ко всему подходит.

Бажена встретилась с Карой глазами, та подмигнула ей и улыбнулась.

— И много родственников хотели меня встречать. …тетя Кара? — спросила она и вдруг смутилась.

Еще неделю назад вообще родственников не было, ни одного. А сегодня уже и тетя, и дядя, и Раки и его отец Теодор — тоже, выходит, её дядя. А к Теодору, наверное, еще и жена идёт в комплекте!

Впереди показалось размытое дождем темное пятно — пробитый в скале туннель.

— Тысячи три точно. Но думаю, приехало бы побольше, — она включила фары, въезжая в черноту туннеля. — И Бажена, зови меня просто Карой, без всяких тёть!

Подавленная новостью о трёх тысячах родственников, Бажена примолкла.

Туннель оказался длинный, они ехали с десяток минут. Время, которое нежданная наследница провела в раздумьях: шутка это или просто Кара не так поняла её вопрос?

В темноте показалось белое пятнышко выхода. На этой стороне горы дождя не было и солнышко приветливо заглядывало в туннель, приглашая поскорее покинуть тьму.

Еще в самолете Серхио рассказал, что после туннеля будет видно горный городок, в который они направляются.

Городок вырос сразу и со всех сторон, стоило автомобилю Кары вылететь из туннеля. Асфальт закончился на границе света и тьмы. Под колеса бросилась древняя брусчатка, а местами и булыжная дорога. Машина завибрировала, Кара сбросила скорость, но от ощущения поездки по антикварной стиральной доске это Бажену не избавило.

На лобовое стекло откуда-то сверху насыпало мелких белых лепестков. Да так обильно, будто кто-то заранее набрал цветов и ждал, когда машина выедет на дорогу.

Кара невозмутимо включила дворники. Лепестки поехали в стороны, влетая внутрь через едва приоткрытые окна.

Бажена обернулась. На удаляющейся от них скале, над самым входом в туннель, кучно росли вишни. Большие, старые деревья были в самом пике цветения.

Белые облака крон заметно тряхнуло. Но кто в них скрывается? Там точно кто-то был. В кустах мелькнула чья-то красная курточка, но Бажена не успела рассмотреть подробнее. Дорога вильнула в сторону и вход в подземное царство скрылся за симпатичным двухэтажным домиком, крытым старинной глиняной черепичкой.

На узком крылечке этого первого увиденного Баженой домика, чудом вмещающем даже одного человека, стоял молодой мужчина с короткими светлыми волосами и очень светлыми глазами.

Он будто ждал кого-то. Когда черный джип показался из-за поворота, то сразу заметил его. Приветливо улыбнулся и помахал. В дверях за его спиной показались трое белоголовых мальчишек. Их мать, в ярком платке, держала на руках еще одного малыша.

За первым домиком показался еще один, также похожий на первый, как и все последующие. Местами домики разделяли небольшие садики, но большая часть улицы представляла из себя плотную застройку, где стена одного здания перетекала в стену следующего.

Дорога, и без того бывшая узкой, по бокам ужалась еще сильнее. Бажена прилипла к стеклу и увидела, что прямо из брусчатки выступает какой-никакой тротуарчик, выложенный черным камнем, добытым, видимо, прямо тут. Возможно даже из той самой скалы, сквозь которую они только что ехали.

Кара сбросила скорость до минимума — если у самого тоннеля люди еще стояли в дверях домов, то дальше, вглубь города, выходили на дорогу целыми семьями.

Бажена опустила стекло, жадно всматриваясь в светлоглазые лица с очень знакомыми чертами. Серые волосы, светлые глаза. В ярком солнце было не разобрать, но она была уверена — глаза у проплывающих мимо нее незнакомцев — бледные, серо-зеленые.

На узкой улочке становилось все теснее.

— Новости быстро разносятся, — пояснил Серхио, — люди идут на площадь и сюда, ближе к главной дороге.

— Серхио, я слышала, что в деревнях все друг другу родня. И на двух соседних улицах живут только Ивановы и Сидоровы, но чтобы вот так! — Бажена указала глазами на балкончик, опасно нависший над дорогой.

Опасность он представлял не из-за расположения, а по причине пятерых активно машущих им сероволосых юношей, на которых этот древний одноместный балкончик явно не был рассчитан.

— У нас большая семья, — Серхио помахал кому-то в ответ, городке живут почти четыре тысячи кровных родственников.

— И вы так каждого встречаете? — Бажена приняла через окно машины букет красных маков. Цветы прямо на ходу презентовала девушка с необычными, на фоне серых, голубыми глазами. Дарительница сказала что-то на незнакомом языке. Судя по интонации — что-то хорошее.

— Что ты, — они выехали с узкой улочки на небольшую, но все же, относительно просторную площадь, — только тебя.

Главная городская площадь в самом центре оказалась почти правильной круглой формы. В нее, как в горное озерцо, стекались ручейки людей. Людей было много, но все они тут же рассыпались, стоило из-за поворота показаться блестящему боку Кариного джипа.

— У вас можно ездить по пешеходным улицам и площадям? — не Бажена не выдержала, когда черноволосая Дракулешти вывернула прямо на площадь. — У нас за такое даже в статусе мэра можно огрести по самые помидорки.

— Варианта нет, на улице сама видела, не припарковаться. Поедем сразу до ратуши, — Кара медленно повернула в сторону аккуратного белого домика с ступенчатой крышей и небольшими деревянными окошками.

Бажена невольно обернулась — вариантов и правда не было. Вслед за их автомобилем плотной волной шли люди, заполонив все пространство между домами.

Это напомнило было Бажене картины митингов, если бы не радостные, почти счастливые лица. Почти все идущие за машиной были сероволосыми и светлоглазыми.

Девушки в первом ряду увидели, что Бажена смотрит на них, заулыбались и замахали руками.

Дети и женщины несли цветы, мужчины двигались небольшими группами, по трое, четверо, о чем-то переговариваясь.

Они шли медленно, держась на почтительном расстоянии позади джипа. Тихо, без песен и громких разговоров, потому она сразу не заметила их — смотрела вперед, на растекающуюся перед ней каменную площадь.

— В городе одна большая площадь, — пояснил главный и, вероятно, единственный сотрудник Трансильванских авиалиний.

— А сколько маленьких? — площадь Бажене нравилась.

Уютная, окруженная трех-четырех этажными каменными домиками с деревянными окошками и черепичными красными крышами. До этого, на узкой улочке, было видно разве что стены и часть тротуара.

На площади стало видно, что дома в городке старинные, но чистенькие, аккуратно и с любовью отремонтированные. На крышах, вот что любопытно, очень интересной формы слуховые окна — изогнутые мягким полукругом сверху, так, что кажется, будто на крыше каждого дома множество глаз.

Город смотрел на Бажену глазастыми крышами.

«Надо же, совсем не страшно!» — она поймала себя на мысли.

Дома улыбались ей этими глазами: спокойно, доброжелательно.

— Маленьких площадей нет. Большая площадь у нас большая и единственная.

Раки показал в сторону очень похожих друг на друга домиков, украшенных вывесками на первых этажах:

— Тут, на площади, у нас все магазины, ресторан, паб, парикмахерская и пара офисных зданий, отделение полиции. И ратуша.

Ратуша больше напоминала хижину пряничной ведьмы из сказки про Гендель и Гретель, чем государственное учреждение. Черепица была какого-то особенного цвета — более насыщенно-красная, чем на соседних крышах. Окошки, небольшие, но в рамах с таинственно поблескивающими латунными щеколдами, были забраны не прозрачным, а чуть дымчатым

толстым стеклом с фацетом. Бажена видела такое оформление на зеркалах, но в здании? Выглядело странно, необычно, непривычно. Как и все здесь.

Сам домик, беленький и чистенький, казался только-что отстроенным и свежевымытым. Только входная дверь выглядела пыльной и старой. Украшенная пышной резьбой и массивной ручкой-молотком с головой кого-то клыкастого и шипастого зверя непонятного вида, она выделялась. Казалось, будто её только что перенесли сюда из древнего восточного монастыря или замка.

Впрочем, на двери висела соответствующая вывеска с гербом Румынии . А значит это – не музейный экспонат и не вход в чью-то сокровищницу, а действительно — ратуша.

Но Бажена тут же отвлекалась. Прямо перед машиной двое сероволосых мужчин тащили длинную полоску черной ткани. Один край ткани уже закрепили на крыше соседнего здания. На ткани, черным по белому, струилась надпись на русском.

— «Добро пожаловать в...», — прочитала Бажена.

Окончание предложения видно не было, но уже показались буквы «М» и «И». Через мгновение они сложились в «Мио», однако дальше раскатка рулона с тканью остановилась. Мужчины заметили Серхио. Тот распахнул дверцу джипа и галантно помог Бажене выбраться.

Они бросили рулон с недоразвернутой тканью прямо на брусчатку и подошли к машине — поздороваться.

— Там написано «Добро пожаловать в Миорицу». — подсказал Серхио, когда сероволосые ушли. — Наш город называется Миоа'рэ, но чаще мы используем названия Миора или Миорица.

— Подождите-ка… — Бажена будто вынырнула из тумана. — Мы же встречаемся с вашими, то есть, с нашими, родственниками. Почему в ратуше? Это же у вас вроде мэрии?

— Бажена, тебе дядя Серхио не сказал? — Раки самостоятельно вылез с соседнего сиденья, и набросил на плечи невесть откуда взявшийся пиджак. Очевидно заготовленный для посещения ратуши заранее. — Мой папа сейчас управляет делами семьи и этой землей. Он — примар Миорицы.

— По традиции глава рода избирается примаром, чтобы избавиться от формальностей и общаться с государственными властями, — пояснил Серхио.

— То есть, он — мэр? — уточнила Бажена, понимая, что неизвестных ей формальностей вдруг становится все больше и больше.

— Серхио, ты не сказал ей про примара? То есть, она не знает, что ей придется... — начала Кара.

— Что мне придется? — напряглась Бажена. — Что еще я не знаю?

— Бажена, не переживай так. Сейчас мы встретимся с семьей и все тебе расскажем. А про примара, считай, что будет сюрприз, — Серхио улыбнулся неожиданно очень задорной улыбкой, совсем как у Ракия.

«Неужели и я также улыбаюсь, когда задумала шалость, — подумалось Бажене, — И как сопротивляться этим обаятельным родственникам?»

— А можно мне сперва в душ и поспать?

— Увы, — Кара покачала головой, — Все в сборе, и… Тебя долго ждали, очень долго ждали. И теперь нужно многое тебе рассказать.

Бажена не стала спорить, ей и самой было ужасно интересно посмотреть на людей, которые возникли из ниоткуда и вытащили её из Заяжской глуши.

— Ладно, пойдемте знакомиться, дорогие родственники, с дорогими родственниками. — вздохнула бывшая мэрская секретарша. — И кстати, почему долго? Серхио меня почти не уговаривал, я сразу согласилась лететь.

— Прежде чем лететь, тебя еще нужно было найти. С самого Мэрцишора вся долина только и ждет твоего появления.

«Да что тут случилось на Мэрцишор??»

Фото из интернета.

Дома с глазами реально существуют. Кто их строил, зачем и почему они так выглядят —сейчас не знают ни ученые, ни местные жители. На фото крыша из городка Сибиу в Трансильвании.

##Глава 6. Летающая туфля

Пара метров от машины до каменной плиты, условно обозначающей крыльцо ратуши, дались Бажене непросто. Острые шпильки каблуков через шаг соскальзывали в щели между брусчаткой, сопровождаемые противным тихим скрежетом железной набойки о камень.

«Если выживу сегодня, завтра надо срочно искать поклонника и передвигаться по городу у него на руках», — решила Бажена, провожая взглядом спину стремительно удаляющейся Кары. Та была в легких мягких туфельках на плоской подошве и быстро преодолела расстояние от машины до входа. Раз, и черноволосая уже скрылась за дверью.

Серхио и Ракий остались рядом почетным караулом: открывать и закрывать двери, и «следить, чтобы нос не расшибла» — прокомментировал несносный мальчишка.

Они поднялись по лестнице на второй этаж. На площадке с парой диванчиков было несколько дверей. К одной через весь этаж тянулась желтая полоска света — дверь была приоткрыта.

— Люди видели её? — в коридор из-за двери просочился мужской голос, скрипучий, будто качалось на ветру старое сухое дерево. — Это хорошо, что видели. Теперь у них есть надежда.

— Они воодушевлены, — Бажена услышала голос Кары и забеспокоилась.

Значит это говорят о ней.

Серхио сделал шаг вперед и взялся за ручку этой самой двери.

— Готова? — тихо спросил он.

Бажена, не имеющая ни малейшего представления, что ждет ее за дверью, утвердительно кивнула.

Сероволосый распахнул дверь. Раздался шум отодвигаемой мебели, шелест одежды и шепоток десятка людей, разом вставших со стульев и кресел.

— Бажена Дракулешти, — Бажена вздрогнула и замерла в дверях, скрипучий голос прошелся по спине холодком, — наследница господаря Влада Четвертого Дракула, хранительница Миоры и всех Миорских земель, владелица силы, Старшая Сестра и Дочь Дракона. — Люди, стоящие вокруг, склонили головы, а он продолжил. — Мы рады приветствовать тебя на земле и в нашей семье.

Комната, оказавшаяся просторным кабинетом, была наполнена людьми.

Обстановка показалась Бажене почти домашней.

Пол укрыт пушистым ковром с восточным узором, так хорошо знакомым любому советскому гражданину и всем его потомкам.

В углу – старинный деревянный стол на резных ножках, украшенный по краям деревянными фавнами и деревянными резными купидончиками с немного пугающими выражениями на резных деревянных лицах.

Многочисленные стулья, которые явно попали в кабинет исключительно для текущего мероприятия, наоборот, выглядели новенькими. Они таинственно поблескивали на солнце свежим лаком и радовали глаз Бажены Рудольфовны, привыкшей к унылой офисной мебели. Особенно понравилась ей богатая бархатная отделка спинок и сидений. У них, в Заяжске, таких стульев не было даже на мэрской даче. Тем более, их не было в мэрском кабинете. Но мэр – не примар. У примара Миорицы все было не так, в Заяжске. Когда она приехала с направлением в мэрию Заяжска, её никто не встречал, не ждал, не пригласил в кабинет.

Она торопила не опоздать на встречу с новым шефом, а тот не появился. Так она и просидела до самого вечера в приемной.

В Миорице Бажену ждали. Она чувствовала это на поле, в городе и здесь, в кабинете примара.

Светловолосые и сероглазые… они ждали её. И вот она здесь.

«Моя семья, подумай только, — Бажена жадно всматривалась в лица, знакомые и незнакомые одновременно. Будто увидела себя в кривом зеркале или пропустила через фильтр, искажающий фото. – Вроде бы мои черты, а вроде бы и другой человек…»

Она встретилась глазами с ближайшим к выходу юношей и поняла – он думает о том же.

Десяток новых родственников выстроились вдоль коврового рисунка, ведущего к резному столу. За столом стоял худой человек с длинным носом и остатками некогда темно-русых, а сейчас — с сизой проседью, волос.

Темные волосы, как отметила Бажена, были здесь только у него (когда-то) и у Кары. Но Кара была яркой брюнеткой с волосами — черными, отдающими на солнце антрацитовым блеском. Она притягивала взгляд, яркая и сочная, как свежий цветок рядом с ворохом прелых листьев.

Мужчина у стола мог похвастаться тусклыми редкими остатками былой роскоши, если роскошь вообще когда-то имела место быть. Он заметил, что Бажена разглядывает его, дернул уголком губы. Было в этом человеке одновременно что-то комичное и торжественное.

Но главным здесь был именно он.

Он смотрел на Бажену едва заметно поджав тонкие сухие губы и ждал.

— Что нужно делать? — шепнула она, надеясь, что стоящий за спиной Серхио подскажет.

— Иди поздоровайся с примаром и все начнется.

Бажена кивнула и сделала шаг вперед и встретилась взглядом со светловолосой дамой с пушистыми, точь-в-точь у Бажены, кудрями. Дама улыбнулась ей теплой домашней улыбкой. Такой знакомой улыбкой.

Бажена замерла, застыла, не в силах отвести глаза. Это лицо! Она не видела его с самого детства, но знала, никогда не забудет!

— Мамочка, — шепнула она и почувствовала, как летит.

Летит навстречу ковру и примару.

***

Мэр, по местному примар, уже начал двигаться в сторону новоприбывшей. Но тут она приступила к решительным действиям.

Зацепившись остреньким каблучком за край уютного ковра, девушка полетела вниз. Одна туфелька отскочила в сторону, вторая свиснула у примара над плечом и вылетела в открытое окно. Тревожно всколыхнулись тонкие занавески. Примар вздрогнул.

Бажена успела предотвратить падение, но устоять — нет.

Гостья согнулась в поясном поклоне и пьяным страусом поскакала через комнату к примару, с каждым рваным шагом все сильнее кренясь вперед. Не успел он отодвинуться в сторону, как девушка упала перед ним на колени, молитвенно приложив руки к ковру.

Коснувшись ковра лбом, Бажена мазнула по пушистому ворсу серыми кудрями и рывком начала подниматься.

– Ош! — на пути к горизонтальному положению ей встретились коварные резные купидоны.

Бажена ударилась затылком о край стола, в глазах потемнело, руки ослабли и согнулись в локтях, лоб снова коснулся пушистого ворса.

В маленьком горном городке, по числу жителей больше похожем на деревеньку, примар Теодор Дракулешти, пользовался уважением.

Должность примара он получил в комплекте с обязанностями главы древнего уважаемого клана.

Однако всеобщая демократия и постоянное присутствие вокруг близких и очень близких родственников сделали свое дело — земные поклоны оказались Теодору в новинку.

Всем присутствующим тоже.

Бажена снова подняла голову. Резные купидону никуда не улетели — девушка снова ударилась о край старинной столешницы.

«Бывают в мире дуры, но я — особенная!» — подумала она и в третий раз, медленно и степенно, как и полагалось, наверное, двигаться даме ее возраста и положения, подняла голову, рассматривая опасный декор.

Судя по открывающейся картине, особую опасность для Баженинoй головы представляла именно попка деревянного купидончика. Купидончик летел вслед за гарцующим фавном с какими-то дикими, сумасшедшими глазами, и больше всего напоминал человека, обнаружившего себя без пяти одиннадцать вечера бегущим к кассе супермаркета с ящиком акционного пива.

«В очередной раз страдаю от любви…» — подколола Бажена сама себя, сожалея только об одном, что шутка эта здесь и сейчас вряд ли будет уместна, а значит — пропадет.

Уже поворачиваясь назад она поняла, что ногам особенно мягко и уютно. Совсем не так должны чувствовать себя ноги, обутые в новые, еще не разношенные туфельки на высоком каблуке. Ноги, прошедшие в этих туфельках по коварной брусчатке. Ноги, летевшие к этой брусчатке через половину Европы.

Туфельки не было. Хотя нет, одна туфелька как раз была — валялась у двери. Но где вторая?

Бажена извинилась за происшествие перед затихшими родственниками. Ни единой ухмылки, ни тихого смешка. Все произошло так быстро, что никто не успел подхватить девушку. Бажена почувствовала, что как-то совсем по-детски краснеет.

Будь перед ней проверка из Министерства или коллеги, пусть давно знакомые, но все же чужие люди, она бы не стушевалась. Готовая к любому нападению, она оказалась не готова к искреннему сочувствию.

Стоящие вокруг смотрели именно сочувствующе, вопросительно, удивленно. И очень искренне.

Разве что примар крепче сжал губы, да худенькая девочка за спиной светловолосой дамы, принятой Баженой за маму, едва сморщила носик.

В тишине Бажена вернулась к застывшему в дверях Серхио и, поборов желание через эту самую дверь выйти обратно в коридор. А после — выбежать на улицу и скрыться в неизвестном направлении.

Подобрала с пола туфлю, надела и осмотрела кабинет в поисках второй.

— Простите, что вы сказали по поводу Миорских земель и чья я теперь хранительница? — спросила она, дабы чем-то разбить звенящую тишину.

Второй туфли не было видно.

«Может, под стул закатилась? Какой-то антикаблучный город: и брусчатка скользкая и ковры к каблукам цепляются!»

— Мы как раз собирались тебе рассказать, — Серхио беспокойно посмотрел на примара, за спиной которого трепал штору легкий ветерок.

За шторой пересмеивались горожане, кто-то играл на гитаре. Теплый май — окна в ратуше были настежь.

Примар едва заметно дернул щекой. Ближайший к столу светловолосый мужчина придвинул поближе мягкое кресло с высокой резной спинкой.

— Да, давайте начинать, — Бажена нагнулась, заглядывая под ближайший стул, – пока еще что-нибудь не случилось.

Намек на кресло она поняла. Но сидеть недообутой перед десятком новыхлюдей?

Ей показалось, что под стулом в углу мелькнуло что-то красное. Она быстро опустилась на ковёр, мельком осмотрела набор ног, вразнобой стоящих вокруг.

«Показалось!»

В спину ударило струей свежего воздуха. Входная дверь распахнулась, как от резкого рывка.

Бажена обернулась увидела перед собой совершенно новые, незнакомые ноги. Еще мгновение назад их в комнате не было!

Белые спортивные кроссовки сверху чуть прикрывали синие джинсы, в которые заправлена белая рубашка. Потертый кожаный ремень подчеркивает талию, от которой начиналась мужской торс с широкими плечами.

Рукава рубашки были небрежно закатаны до середины локтя и открывали вид на загорелые мужские руки, украшенные широкими полосами мышц.

В одной из этих сильных мужских рук Бажена увидела искомую туфлю! Уже немного потрепанную, но еще не потерявшую товарный вид. Красный лак, на первый взгляд, не сильно поцарапан, каблук цел. Остальное — несущественные мелочи!

Увидев её, Бажена обрадовалась встрече и стремительно рванула вперёд для дальнейшего воссоединения, то есть, обувания.

Все внимание бывшей Заяжской секретарши было в этот момент сосредоточено на одном — схватить и отобрать, надеть и выглядеть чуть менее нелепо, чем сейчас.

Она схватилась за каблучок и потянула на себя.

Обладатель Баженины туфли, а по совместительству — загорелых рук и широкой спины, что-то сказал по-немецки и почему-то не выпустил чужой обуви.

«Немец, значит. Ну-ну!»

Бажена ещё немного посоревновалась с незнакомцем в спортивном перетягивании еще совсем недавно шикарной лодочки. А после… После подняла голову вверх.

Будь Бажене лет двадцать, она в миг забыла бы и о туфле, и о родственниках, и о своем конфузе.

Но Бажене давно уже было не двадцать.

Потому она с интересом рассматривала открывшийся ей вид, не выпуская, впрочем, из рук законной собственности.

Мужчине было слегка за тридцать и он оказался хорош, как шоколадный торт, только-только посыпанный дробленым грецким орехом.

Темные волосы зачесаны назад, открывают скуластое лицо с чуть раскосыми, немного кошачьими, глазами. Нежная оливковая кожа покрыта на подбородке и щеках легкой щетиной.

Бархатные густые ресницы и правильной, нет, идеальной формы брови!

Казалось, ничто не может испортить его красоты.

Даже едва заметный след туфли по центру красивого высокого лба.

Бажена приоткрыла рот, отчаянно собирая в голове все известные ей немецкие слова. Однако ни «Хайль Гитлер», ни «Ауфидерзейн» не показались ей подходящими для приветствия этого красавца.

Она смотрела ему в глаза, быстро погружаясь в зачарованное состояние, о котором даже не подозревала.

«Какой мужчина! Брюнет моей мечты собственной персоной!»

Возможно, поэтому она пропустила момент, когда брюнет ее мечты наконец-то разжал руку.

Бажена начала падать. Увы, не медленно и красиво, как хотела бы. И не в объятья прекрасному мужчине, в совершенно противоположную сторону. К тому же быстро, шумно и, кажется, с неприличной кулинарной бранью: что-то про тухлые пироги и варенье из огуречных жопок.

Будь у прекрасного мужчины выбор, ловить падающую Бажену или нет, он, быть может, и бросился бы ей на помощь.

Но Бажена, вцепившаяся в последний момент в его белую рубашку, ему такого выбора не оставила.

Затрещала ткань.

«Брюнет Баженины мечты» махнул в воздухе своими прекрасными руками и упал на нее сверху.

«Ух!»

Красавец успел выставить руки вперед и только поэтому не придавил девушку.

Тонкая прослойка пустоты между ними, как показалось Бажене в этот момент, вся заколебалась, будто зажаренный летний воздух над асфальтом.

Он чуть приподнялся, распрямляя согнутые в локтях руки, увеличивая расстояние между ними.

Лучше не стало.

Бажена, непривычная к лежанию на полу в общественных местах, забыла, где она и кто она. Она так и не смогла оторвать взгляд от его черных глаз.

Вблизи они показались ей окнами, через которые она заглянула в соседнюю вселенную. Летели шлейфы комет, перемигивались звёзды, а Бажена погружалась все глубже и глубже в темноту.

События этого дня смазалось, пропали.

Была только она и темнота, обернувшаяся вокруг нее мягким ковром. Время ушло, рассыпалось, растеклось.

Голову заполнила пустота. Все мысли вылетели вон и только одна крутилась назойливой чёрной мухой. Мысль, что иногда приятно вот так полежать на ковре в окружении родственников, когда над тобой навис вероятный финалист конкурса «Мистер Вселенная Не-Важно-Какого-Года».

Вселенная дала трещину и отступила. Бажена все ещё лежала на полу в примарском кабинете. Над ней всё ещё навис прекрасный черноглазый незнакомец. Никаких вселенных, звёзд и комет. Просто красивый ухоженный мужчина.

— Серхио, — шепнула она, продолжая смотреть в чёрные глаза, — умоляю, скажите, что это не наш родственник.

Ракий у двери нервно хихикнул, Кара фыркнула, остальные промолчали. Черноглазый явно ничего не понял, только чуть склонил голову, вглядываясь в лицо Бажены с каким-то новым интересом.

— Не родственник. — услышала она ответ, но не от Серхио, который, кажется, изо всех сил старался не рассмеяться, а от господина примара. — Это наш инспектор полиции, мистер Дин Алес.

Мистер Алес, наконец, полностью поднялся в планке над Баженой и перетек в вертикальное положение.

Посмотрел на зажатую в руке туфлю раздора, которая каким-то образом снова оказалась у него. На полуобутую Бажену.

Немного растеряно улыбнулся и с выражением лица «кажется это ваше» протянул девушке.

Сраженная мужским обаянием, она постаралась принять подношение со всей грацией, возможной в текущем положении.

«Не упускать же столь пикантный момент?»

Но прекрасный инспектор, кажется, вовсе забыл о ней — развернулся к примару и что-то очень быстро говорил ему по-немецки.

Примар медленно сел на стул, Серхио и остальные Дракулешти в комнате подошли чуть ближе к инспектору.

Бажена самостоятельно поднялась, довольная возвращением блудной туфли, обулась.

Безусловно, скорый побег прекрасного мужчины ее немного огорчил.

«Мог бы и руку подать!»

Но, взглянув на лица вокруг, она поняла — новости инспектор принес срочные и неприятные.

От хороших новостей женщины не начинают плакать, прижимая ладони ко рту, чтобы заглушить всхлипы. От хороших новостей мужчины не начинают нервно сжимать руки в кулаки.

О чем может рассказать полицейский, чтобы вызвать такую реакцию, Бажена знала прекрасно.

Она пять лет работала в одном здании с Заяжским отделением полиции.

Но все же, языковой барьер, будь он неладен! Она совсем ничего не понимала из того, что говорили вокруг. Потому спросила:

— Так. И кого убили?

##Глава 7. Пятёрка за родословные обои

Когда за инспектором захлопнулась дверь, все немного успокоились и расселись по местам, сухонький седой мужчина за столом, наконец, представился:

— Теодор Вишневецкий. Глава семьи и примар Миорицы.

— Рада знакомству, — пока все были заняты мистером Алесом, Бажена успела вернуть на место сбившуюся набок юбку и поправить прическу, насколько это было возможно в безбудуарных условиях, — А вы? — она повернулась в сторону женщины с пушистыми волосами.

Ее платье, черное, как платье Баженины мамы в последнюю их встречу. Это было то редкое воспоминание, которое не померкло со времен детства. И оттого смотреть на эту женщину было нестерпимо больно. И так же невозможно было оторвать от нее взгляд.

Бажена уже не помнила в деталях даже тот год, когда видела родителей. Помнила, что папа и мама уехали накануне ее дня рождения. Вместе с ними уехала ее старшая сестренка — Снежана. Снежка, как звала ее Бажена.

Они не вернулись. А за день до праздника пришла телеграмма, бабушка расплакалась и завесила зеркала простынями.

В тот год дня рождения у Божи не было. Как и в следующий. Она вообще разлюбила этот праздник и никогда его больше не отмечала.

После они с бабушкой переехали в другой город, потом ещё и ещё.

Они никогда надолго не задерживались на одном месте. Не пытались связаться с родственниками. Вместе с внучкой жили тихо, скромно, почти нелюдимо.

Бажене казалось, что она почти забыла о своей семье. Но вот сейчас, глядя на эту женщину, поразительно похожую на маму, всплыли давно забытые воспоминания. И отозвались болью в груди.

«Конечно, она не может быть моей мамой, прошло уже двадцать пять лет, маме должно было быть под семьдесят, а этой женщине едва ли пятьдесят. Кто же она?»

Женщина обнимала расстроенную девочку, гладила по голове, успокаивала. Трогательная картина, если бы рукава её чёрного платья не задрались. Под ними, выше запястий, руки женщины покрывали темно-коричневые пятна. Бажена присмотрелась и поняла, что похожие пятна, только светлее, проступают и на шее, и даже в районе виска.

Очарованная сходством с матерью, Бажена сразу не заметила, что кожа на лице у новой родственницы бледно-желтого, неестественного цвета, будто высохший осенний листок.

— Милена. — представилась она и добавила на хорошем русском, практически без акцента. — Я старшая женщина в семье. — после чего добавила менее понятное непонятное. — Старшая Сестра Дракулешти. А это — Стана, моя дочь, сестра Раки.

Стана, большеглазая девочка-подросток с длинными серебристыми волосами, собранными в два пушистых хвоста, грустно вздохнула и потерлась носом о её плечо, стирая каплю с щеки.

Стана, в отличие от матери, имела вид цветущий: беленькая кожа, розовые щечки, полные губки. Хорошенькая, даже с раскрасневшимися глазами.

— Умер самый старый житель Миорицы, – Кара напомнила о себе и о том, что на вопрос Бажены так никто и не ответил, – Миклош Дракулешти.

— Дедушка Миклош, – всхлипнула Стана и снова расплакалась.

— Соболезную вам, — Бажена вцепилась в обитый скользким бархатом подлокотник, – Я сама в прошлом году похоронила бабушку.

Бабушка так и не рассказала ей, что стало с родителями. В четырнадцать, когда все получали паспорт, она сменила Бажене фамилию с отцовской на вымышленную — Бальсова.

«Так надо», — сказала она и Бажена не задавала лишних вопросов. Бабушка всегда знала, что нужно делать и Бажена слушалась её во всем.

Перед самой смертью бабушка звонила ей, просила приехать, хотела что-то рассказать. Но тогда Бажена жила в соседней области, работала. Игорь Иванович, опять же, отгулы не дал – отложила до выходных. А там уже успела как раз на похороны.

— И мы соболезнуем тебе, хоть мы и не были знакомы с Илоной. Миклош говорил, что она была хорошей женщиной, — сказала Милена.

— Он знал бабушку?

Бажена привстала, всматриваясь в тонкие морщинки на лице женщины. Сколько было в этом лице родного, любимого!

— Когда та еще была маленькой. Он бывал в их доме в Бухаресте.

Бажена немного расслабилась. Бабушка и правда рассказывала, что детство провела в столице Румынии, а только позже вся её семья переехала в Кишинев. После — в Поволжье.

Где и нашел ее, Бажену, Серхио Дракулешти. Спустя много лет. Нашел и привез в Миорицу в самом сердце Трансильвании.

— Бажена Дракулешти, — сухой мужчина сел за стол, скрипнув голосом и стулом, — соболезную тебе о смерти деда Миклоша.

— Но я его даже не знала.

Стана Дракулешти подняла на нее заплаканное личико.

— Он ждал тебя, — сказала девочка неожиданно холодно и немного надменно, — это он отправил дядю Серхио. Он хотел тебя найти после того, как у нас не получилось.

— Не получилось что?

Стана всхлипнула и слезы закапали чаще. Она уткнулась в плечо матери не в силах продолжать. Худенькие плечики девочки вздрагивали от рыданий..

Милена прижала ее крепче, продолжая медленно гладить по волосам.

— Не получилось провести ритуал, — Серхио Дракулешти отлип от двери, будто перестал бояться, что в нее снова ввалится какой-нибудь новый инспектор: пожарной безопасности или соблюдения прав домашних животных.

— Это тот ритуал, что был на Мэрцишор? — уточнила Бажена.

Серхио кивнул.

«Да что же у них тут было на Мэрцишор?»

— Формально — получилось. — скрипнул лысеющий Теодор Вишневецкий. — Сила отозвалась, но приняла не ту наследницу, которая участвовала в ритуале.

— Сила выбрала... меня? – спросила Бажена и одновременно подумала, – «Какая еще сила?!»

Стана вдруг дернулась, вскрикнула что-то на незнакомом Бажене языке и, придерживая длинную черную юбку изящной рукой, выбежала из кабинета.

Дверь хлопнула. Бажена поняла, что лежать на полу было ещё не верхом неловкости. Вот когда юные девушки, рыдая, бегут прочь и в комнате подвешивается мрачная тишина, тогда и правда не комфортно вести светскую беседу.

Эх… Если бы не закалка, полученная за годы работы в мэрии… она бы ни за что не попала в такую ситуацию! Просто потому, что сама бы развернулась к примарскому кабинету задом и к лестнице передом еще там, на этаже, рядом с диванчиками. И без зазрения совести побежала бы вниз, подальше от этого странного места.

— Она успокоится, не переживай. — Милена придвинула свой стул поближе к Баженину креслу. Стало сразу уютно, как дома. — Мы много лет ждали рождения девочки в нашей семье. Девочки, которая сможет взять силу. Мы растили Стану как бальсу.

— Кого, простите?

Бажена посмотрела на Серхио. Трансильванец сел на свободный стул напротив. Их места оказались ближе всего к Бажене и Теодору и никто их не занимал. Известный Бажене чиновничий этикет подсказывал, что это — верный признак приближенности к начальству. Хотя кто знает, какие тут порядки?

— Вот сейчас мы тебе и расскажем, — вздохнул самый знакомый ей здесь мужчина, расстегнув последнюю пуговицу пиджака, — Теодор, позволишь?

Серхио превосходно говорил на родном Пушкину, Лермонтову и Бажене Рудольфовне языке, но последовавшее далее объяснение оказалось таким странным, неправдоподобным и местами — совершенно непонятным, что девушка начала сомневаться в его лингвистических способностях.

И понемногу понимать, почему новоиспеченный дядюшка не рассказал ей всё и сразу в первый день знакомства.

— То есть я — наследница не только земель, но и какой-то магической силы? Я правильно поняла? — Бажена все переспрашивала и уточняла, надеясь, что Серхио просто подобрал не те слова.

— Не какой-то, а силы нашей семьи. — Серхио начал объяснять еще раз. — Магия Дракулешти признала тебя, нашла и теперь она ждёт окончания ритуала.

— Она?!

Бажена, не видевшая с момента прибытия ни кубков из черепов врагов, ни черных петухов, ни других пугающих атрибутов ритуалов, известных каждому человеку, имеющему в доме телевизор, с укором посмотрела на родственника.

— Мы провели ритуал на Мэрцишор, первого марта, — проскрипел Теодор и отвел глаза.

«Так вот, что у них тут было на Мэрцишор!»

На Мэрцишор, когда жители Трансильвании дарили друг другу традиционные бутоньерки-мэрцишоры из красных и белых ниток, радовались приходу весны, пели песни и ели вкусную еду, Миклош, старейший в клане Дракулешти, провел старинный обряд призвания магической силы. Наследница была юна и только вступила в разрешенный для ритуала возраст, но тянуть дальше было нельзя.

Обряд прошел удачно, магия пробудилась, но… Стана не получила силу!

— Долине и всей семье нужна бальса. — Серхио запнулся и добавил. — Хранительница. Без нее жизнь здесь угасает. Уже сейчас долина больна, очень больна.

Сила, о которой все твердил Серхио, питала местные земли. Без бальсы она переставала течь, как река, пересохшая в зной.

Первыми без бальсы начали страдать виноградники.

– Мы выращиваем редкий сорт, – объяснила Кара, – он растет только в нашей долине. За двадцать лет погибло две трети лоз и продолжаем терять их каждый день.

Виноградники были магическими. Долина теряла силу и уникальные растения гибли. В первые годы по одной-две лозы, дальше – больше. Скорость увеличивалась бешеными темпами.

– Если так пойдет дальше, к осени мы лишимся последней лозы.

Семья получала солидный доход с продажи зелий и вина, получаемого из этого винограда.

– Но это не так важно, – проскрипел Теодор.

Без бальсы жили короткую жизнь, болели и быстро умирали.

– За двадцать лет без бальсы в долине не осталось стариков. Миклош был последним. А ведь они могли бы прожить еще лет двести, – Теодор прикрыл глаза, будто устал. А может, так и было? Он выглядел как старый больной человек. И все терпеливо ждали, когда он откроет глаза и продолжит. – Многие здесь больны без надежды на излечение. Мы и так долго тянули,

ждали, пока Стана подрастет. — он вздохнул, вспоминая что-то. — Последняя бальса, твоя предшественница, погибла еще до ритуала.

Бажена посмотрела на Дракулешти, находящихся в комнате. Кроме Серхио, Теодора и Милены все выглядели её сверстниками. Ну, может Кара чуть старше, но не намного. Неужели это правда?

Глядя на лицо Милены, верилось с легкостью. Женщина

— Бальса, хранительница Миоры, всегда рождается в твоем роду. Но мы не знали о тебе. Все думали, что ваша ветвь угасла. Мы надеялись, что сила выберет подходящую наследницу из из нашей ветви.

В семье Милены и Серхио почти всегда рождаются мальчики. А для ритуала нужна девушка крови Дракулешти, — поймав Баженин взгляд на лице Милены, добавил, — Милена тогда уже была замужем и родила старшего сына, она не подходила на эту роль. Мы потеряли надежду, а когда родилась Стана… Миклош, старейший в роду, лично обучал и готовил её. И вот, в день ритуала все пошло не так.

— Девочка очень огорчилась, — тихо добавила Милена. — Она считала, что спасет всех в долине, приняв силу бальсы. Ритуал можно провести лишь единожды, для второго она уже не годится. Стана знает это и от того ей еще больнее... Мы правда не знали, что кто-то из твоей ветви Дракулешти выжил. Мы не знали!

Ритуал раскрыл силу, выпустил ее, и она нашла наследницу. И ей оказалась совсем не Стана. Серхио рассказал о каком-то таинственном зале, где все происходило. Освобожденная сила указала им направление – где искать истинную наследницу. Направление оказалось примерным, на поиски ушли месяцы.

— Твоя сила передавалась в вашей ветви Дракулешти по праву старшей дочери. В магическом мире это известный принцип, который называется «Право Старшей Сестры», как у ведьм.

«Еще и ведьмы!?» – подумала Бажена, слушая о родовой силе, которая у потомственных ведьм передается старшей женщине в семье, а младшие едва могут зажечь свечу на расстоянии вытянутой руки.

— Кто же я?

— Это один из секретов, которые хранит наша семья, – улыбнулась Милена. – Ты больше не безымянная сирота. Ты – наследница древнейшего рода и твоё первое право – знать правду о Дракулешти.

Бажена уже знала, что фамилия Дракулешти пошла от Влада Дракула, господаря сих земель. Еще в Заяжске она прочитала небольшую статью в Википедии и даже пролистала длинный список местных правителей из этого рода. Список был длинный, имена – однообразные, листала быстро.

Фамилия оказалась распространенной, потомки знаменитого Дракула жили сейчас по всему миру. Даже в России нашелся один дальний родственник, ссылка на интервью с ним была в самом конце страницы.

Впрочем, в многочисленности Дракулешти Бажена убедилась своими глазами по дороге в ратушу.

– Готова погрузиться в семейную историю?

– А куда деваться? – вздохнула Бажена.

Милена рассказывала интересно. И совершенно не то, что было написано в Википедии. Там было что-то вроде «пошел в поход на того-то, напал на тех-то, был пленен, бежал» и далее в таком же духе. Ниже были перечисления приписываемых ему зверств, по мотивам этих зверств написанных романов и снятых кинолент.

– Мы потомки Влада Дракула, как и ты. Милена рассказывала совсем о другом Владе Дракуле. Её Влад был мудрым правителем, но время было непростое С юга стране угрожали

Османы, с севера – желающие захватить власть короли. А он хотел удержать власть. И мир в своей стране.

Он пробовал воевать, заключать договоры. Но его небольшая горная страна слишком нравилась соседям. Тогда он женился на девушке из сильной магической семьи.

У Влада Дракула и колдуньи родилась дочь – Александра. Девочек в пятнадцатом веке даже в документы не записывали. Их судьба принадлежала отцу, после – мужу. Женщины умирали родами и от болезней… Но Александра была дочерью Влада Дракула, она не была обычной девочкой. Она была дочерью господаря. И она была первой в семье, одаренной магически. Александра стала первой женщиной Дракулешти, внесенной в официальные документы.

— Папа Римский был в ярости. — вставил Ракий. — А что? Я историю семьи с пяти лет учил, могу блеснуть знаниями?

К сожалению, колдунья успела родить только дочь. Наследника Влад не дождался. Женщина исчезла со страниц документов и что с ней стало, не знали даже в семье Дракулешти.

О Википедии не стоит и вспоминать, в ней об этом не было ни слова.

Владу Дракулу, тогда еще не жуткому монстру из голивудских фильмов, а просто правителю Трансильвании, нужен был сильный сын, наследник земель. А у него была только дочь, получившая большую силу по древнему праву старшей сестры.

– Он обращался ко многим кланам. В том числе, – усмехнулась Кара, – к моим предкам.

Магические семьи отказали человеку. Влад Дракул, правитель крайне неспокойного государства, остался без сильного наследника.

Впору было загрустить и присоединиться к кому-то из соседей. Благо, желающих со всех сторон было… да все!

— Нашему предку очень повезло, Бажена, – мягко улыбнулась Милена.

Пока основатель династии ломал голову, как ему улучшить свой имидж и привлекательность в глазах колдунов, не желающих расставаться с любимыми дочерьми ради усиления какого-то там горного княжества путем производства наследников, его дочь, Александра, вышла замуж.

И не за какого-то воеводу или младшего из нормандских принцев, а за сильного мага.

– Ничего себе!

О маге, что удивительно, современным Дракулешти не было известно даже его имени.

— Все звали его – Дракон. Мы думаем, это потому, что он появлялся на людях в доспехе с золотым драконом на груди.

Безымянный колдун состоял в древнем (а тогда еще – нет) Ордене Дракона. Рыцарем которого, кстати, был основатель фамилии, Влад Дракул.

У Александры и Дракона было двое детей. Оба – маги.

Так Влад Дракул получил долгожданного наследника, откуда не ждал. Он так и не смог получить сына, но теперь у него были внуки! одаренные, сильные, оба родителя которых были колдунами.

И это были его, Влада, кровные потомки!

– Бажена, ты еще не запуталась в детях? – спросила Милена, глядя на задумавшуюся девушку.

Бажена, помнившая, что глава полиции Заяжска — двоюродный племянник одноклассницы подруги детства жены мэра того самого Заяжска, отрицательно кивнула.

Хотя сейчас, после перелета, поездки и шквала новой информации и впечатлений, она прилагала максимум сил, чтобы не потерять нить разговора.

– А можно мне листочек? – попросила она. – Я нарисую, чтобы не запутаться.

Кара встала, чтобы принести необходимое, но тут вмешался Раки:

— Подождите-ка, у меня есть идея получше! — он вскочил и исчез за дверью, чтобы вернуться через каких-то пару минут.

— Вот!

Веселый Дракулешти широко улыбнулся и поставил перед Баженой большую картонную коробку. Самую обыкновенную. В такие обычно упаковывают посылки или вещи для переезда.

Находящиеся в комнате члены семьи одобрительно закивали, зашептались. Очевидно, предложенная Ракием идея была лучше Бажениного упражнения в рисовании.

Из коробки торчали длинные рулоны плотной бумаги — не менее десятка. По краям было видно рисунок, нанесенный только на одну сторону: на желтоватом фоне с коричневыми разводами — цветочки и виньетки с завитушками. Рисунок был мелким, в свернутом виде было сложно понять, что именно изображено.

Бажена невольно подалась вперед.

— Это что, обои?

— Это моя курсовая по Сравнительной Истории! Мне за нее профессор Шереметев высший балл поставил, между прочим! — возмутился Ракий и вытащил пару рулончиков. — Да… кажется, эти!

Дракулешти отодвинули стулья к стенам, освобождая место на полу для раскатывания и демонстрации новой родственнице «обоев».

Ракий отодвинул Бажену в сторону и раскатал первый рулон.

— Все ещё похоже на дорогие дизайнерские обои, — поделилась впечатлениями девушка.

— Спасибо, я старался, – ответил юноша, придерживая загибающийся бумажный край, – поможешь?

— Если честно, древнее родовое древо я представляла повнушительнее! Какой-нибудь необъятный каменный барельеф, — прокомментировала Бажена, придерживая «обоину» у основания, — где у каждого предка есть свой медальончик с портретиком в окружении красивых листочков.

Раки раскатал длинный лист до противоположного края комнаты, придавил его стулом и вернулся обратно к коробке.

— Ну, — хмыкнул он, разворачивая рядом второй рулон. — первые триста лет так и делали.

— Что ж перестали?

— Стена закончилась, — ответил за него Теодор.

— Ну да, — подхватил Ракий, заканчивая со вторым рулоном. — Негде стало портретики выбивать. Да и в качестве приложения к курсовой, знаешь ли, гранитная плита моего профессора не устроила бы. Хотя нет. – задумался он на мгновение. – Я уверен. Точно не устроила бы!

Приложение к курсовой по Сравнительной Истории выглядело красочно.

На бежевом фоне плавали белые, голубоватые и желтые облака, летали маленькие птички и бабочки, черные мухи…

«А нет, эти летают в воздухе… Как обычно!»

Основную часть полотна занимало кряжистое когтистое дерево с пышной и обильно ветвящейся кроной. Ветви, ветки, веточки, прутики почти полностью скрыли массивный ствол.

Дополнительное сходство с обоями добавляло то, что рисунки были похожи. Склей их стык в стык и можно оформить какую-нибудь скучную стену.

«Особенно они будут хороши в общественном месте, — размечталась Бажена, — пока посетители скучают в очереди, могут рассматривать мелкие детали».

Деталей было множество.

— Ну что, займемся! — Ракий пригласил Бажену припасть на колени к самым корням.

— Чем?

— Сравнительной историей магического и человеческого миров на основе генеалогического древа семьи Дракулешти! — отчеканил юноша тему курсовой.

— Это где такое задают? – поинтересовалась Бажена, ведя пальцем по листу.

Бумага выглядела гладкой, но на ощупь казалась бархатной, как обивка кресла, в котором она только что сидела.

— В Университете Штормов. Я закончил кафедру магической истории, – не без гордости поделился Ракий, – Ну и теоретическую магию изучал, как и все в нашей семье.

— Что!? — с подозрением осмотрела новых родственников Бажена. – Ты еще и колдун? Вы все колдуны?!

Теодор вздохнул и присел за стол. Ракий смущенно забормотал что-то об известной с древних времен пользе хранения свитков в рулонах.

— Подожди, – проскрипел примар, – Илона совсем ничего не говорила о нашей семье?

— Ну, говорила, что живет кто-то за границей, — Бажене отвела глаза, почувствовала, как в уголках собираются первые слезинки, — И вообще, она меня вырастила, а родственники нам ни разу не помогли, с тех пор, как мама и... — ее голос сорвался.

Милена подошла и успокаивающе положила руку ей на плечо.

— Мы ничего не знали о тебе, — сказала она печально, — Илона очень огорчилась, когда узнала о твоих родителях. Двадцать пять лет назад они приехали сюда с твоей сестрой, провести ритуал, но не успели. Незадолго до нужного дня они пропали. Они не сказали, что вас было двое. Илона потом тоже… умолчала о тебе.

Бажена молчала, пытаясь осознать – это все снится ей или нет? Всю жизнь она считала, что её родители и сестренка погибли в аварии. Пошел дождь, машина вылетела с моста и утонула в реке. Бабушка рассказывала ей именно так! А сейчас оказалось, что они пропали здесь, в Румынии!

— Твоя старшая сестра была последней подходящей девочкой, которая могла быть хранительницей Миоры.

В голове Бажены щелкнуло, будто открылся замочек, долгие годы запирающий дверь.

«Вот к чему были эти бесконечные переезды, – подумала она, — она меня прятала!»

— Но почему? Почему бабушка не хотела, чтобы меня нашли?

Теодор опустил глаза, изучая извивающиеся ветви напечатанного дерева.

— Илона знала, кто ты. Большая сила – большая ответственность. Она хотела обмануть судьбу. — проскрипел он. — Но от судьбы не уйдешь.

— Твое место здесь, Бажена, — Милена мягко, по-доброму, улыбнулась. — Чудо, что ты есть. Чудо, что мы нашли тебя. Чудо, что ты до сих пор не родила ребенка.

— А если бы родила?

— Сила выбрала бы твою дочь. И нам пришлось бы ждать до ее пятнадцатилетия.

Множество факторов сложились в этот момент в единую картинку. Череда событий, которая привела Бажену сюда, в румынскую глубинку.

Замочки, закрывающие двери с секретами, щелками и щелкали.

Опека бабушки, а после — напряженная учеба и работа, не позволившие Бажене выделить время на личную жизнь, семью, ребенка.

Румынский ритуал, проведенный для Станы, но оказавшийся ей бесполезным.

Встреча с Серхио, её решение приехать.

Долина, в которой уже двадцать лет болеют и умирают люди. В этом кроссворде остались еще неразгаданные слова.

Бажена нахмурила лоб. Поймала улыбку Ракия, развернулась к нему.

— Ну что. Разматывай свои обои, видишь, край уже завернулся. — и добавила, глядя на присутствующих. — Нужно же разобраться, что мне подбросила судьба!

##Глава 8. Дочь Дракона

— Справа, — показал Ракий на рулон, размотанный по полу, — древо семьи Дракулешти. Версия для широкой общественности в человеческом мире.

Бажена кивнула и придвинула на краешек листа стул, чтобы бумага не заворачивалась.

— Слева, — он показал на точно такую же полоску «обоев», — настоящая родословная, известная в нашей семье и в магическом мире.

— Но они же одинаковые!

Ракий прыснул.

— Не совсем. Смотри сюда.

И правда, присмотревшись, она нашла множество различий, которые легко терялись в обилии деталей, стоило отвести взгляд.

— В «человеческом» варианте у Александры нет детей! — сделала Бажена первое открытие.

И правда, любимая дочь основателя династии в версии «для магов» выпускала из себя пышную ветвь. В версии «для людей» — располагалась на конце отломленного сучка.

— Похоже на детскую игру «Найди десять отличий». — она прикинула длину рулона. — А как скоро здесь будет что-то про меня?

— Про тебя нам еще лет пятьсот крутить рулон. — неутешительно поведал Ракий, — но я сокращу программу. Будет как история Средневековья в учебнике за пятый класс — два абзаца и чей-то смазанный портретик. Кстати, отличий будет больше десяти, будь готова.

«Хороший, добрый мальчик», — подумала Бажена с сарказмом.

— У Александры, — Ракий провел пальцем от портрета основателя к портрету его дочери, черноволосой и черноглазой красавице, — и Дракона было двое детей.

Загадочный «Дракон», муж Александры, остался на семейном дереве без портретика. Но Бажена была уверена, он был блондином с серо-зелеными глазами. Потому как ниже все его потомки обладали потрясающим сходством и типовой для сидящих вокруг Дракулешти внешностью.

— Не отвлекайся, тут самое важное, — Ракий привлек ее внимание, — У Александры и Дракона было двое детей, — повторил он.

И показал на раздвоенную ветвь, на которую было насажено два портретика: мужской и женский.

— Старший — сын Влад. — он указал на мощный побег с мужским ликом, — Да-да, его звали, как и деда. Не морщись, это наше родовое имя для старшего сына. Согласен, когда читаешь книжку про нас, а там одни Влады, тяжко. Влад такой-то передал власть Владу такому-то, пока другой Влад ушел из жизни, преданный еще одним Владом.

— Неужели нельзя было внести какое-то разнообразие в имена? — не выдержала Бажена. — Сейчас же живете без этого всего?

Ракий посмотрел с видом «Ох, сколько еще всего тебе нужно узнать» и Бажена поняла, что ткнула вилкой в старую и изрядно надоевшую мозоль.

— Ладно, ладно, я поняла. Поехали дальше.

— Старший сын Александры и Дракона, на радость дедушке, оказался сильным магом. Но правитель не мог законно передать власть сыну неизвестного рыцаря. Тогда его дед, Влад Дракул, усыновил мальчика. Чтобы передать ему власть законно и официально, с учетом всех процедур и формальностей. В историю он вошел как Влад Третий Цепеш, Дракул.

Бажена сравнила семейное древо с вариантом «для людей». Слова Ракия подтвердились: Влад III Цепеш в варианте для широкой людской общественности значился как сын Влада II, основателя. Хотя на деле был его внуком.

— Ого! Значит, Влад Цепеш — мой пра-пра-пра-кто-то там?

— Нет, — развеселился Ракий. — Влад Цепеш МОЙ пра-пра-пра-кто-то там. А твоя семья считается ведет свой род от *дочери* Александры и Дракона.

Он вернулся к портрету черноглазой Александры. На ее развилке была вторая веточка — тонкая и изящная, украшенная портретом девушки с длинными белыми волосами в сложной прическе. Веточка размашисто уходила дальше и заканчивалась на краю листа.

«Maria Luise».

— Единственная дочь, Мария-Луиза, унаследовала семейную силу матери по праву Старшей Сестры.

— То есть, братик получил силу отца, а сестра — силу матери. Точно, Александра же дочь колдуньи!

— Внимание, — Ракий приподнял наставительно палец, — сейчас будет важный момент. Внимай!

Бажена приготовилась внимать, хотя вроде бы и так уже внимала по полной.

— Усыновление Влада прошло гладенько, внешность он с легкостью замаскировал магически. Народу он нравился, но не нравился врагам народа. Чтобы не прерывать линию магов, которые будут править страной, он постарался как можно быстрее оставить наследников. Было у него три сына: старший – Влад, средний – Мирча и младший – Михаил.

— Старший — умный был детина? — уточнила Бажена.

— И это тоже, — осторожно согласился Ракий.

Язык русский он знал неплохо, а вот «Конька-горбунка» похоже, не читал и шутку не понял.

Они вернулись к рулону «для магов». Сын Дракона раскинул вдоль ствола три крупные ветви. Впрочем, одна была обломана.

— Вся сила, полученная Владом Цепешем от отца-колдуна, отца досталась старшему сыну.

Это было странно. Колдовские способности передаются в равной степени старшим и младшим детям. вне С Драконовыми детьми все пошло наперекосяк. Силу получил только старший сын Цепеша, Влад Четвертый, правнук основателя фамилии и внук Дракона.

Бажена сравнила два варианта Древа Дракулешти. В количестве детей Влада Цепеша версии «для магов» и «для людей» были солидарны. Но в людском варианте у Влада Четвертого не было ни дат жизни, ни портрета. «Волшебное» дерево было оформлено подробнее: Влад Четвертый родился в 1460 году и умер через 21 год. Был здесь и его портрет – молодой, светловолосый, светлоглазый. Очень похож на Ракия… или Ракий на него? Спорный момент.

Различались они выражением лица: живой Дракулешти улыбался, кажется, даже во сне, мёртвый – плотно сжимал губы и смотрел чуть угрюмо.

Настроение плохое или просто не любил позировать для портретов?

Впрочем, чему радоваться, когда ты мёртв?

Влад Четвертый Дракулешти был сильным и талантливым магом. Это радовало отца-правителя и огорчало врагов государства.

— Говорили, стань он господарем, мы бы изгнали турков и сделали Румынию по-настоящему сильной и великой империей!

На двадцать первом году жизни перспективного наследника враги подсуетились, выкрали его, подержали пару месяцев в плену, а когда Влад умудрился сбежать, то в процессе побега таинственно умер, как настоящий герой – непонятно от чего. То ли пять раз прыгнул на стрелу, то ли скушал пирожок с тухлятиной.

Место Влада на троне в итоге занял средний сын Цепеша, лишенный магии человек.

— Видишь, в человеческом варианте только его ветвь и разрастается дальше.

Это было так. В упомянутом, человеческом, варианте ветви старшего и младшего братьев были сломаны. Обширно разрасталась только средняя.

Присмотревшись, Бажена заметила еще одно отличие — в этой версии на дереве не было ни одного блондина. Ракий объяснил: версию «для людей» он оформлял портретами из человеческих источников. А для «магического» дерева — из семейных архивов, где маги были без маскировки, во всей своей «естественной красе».

«Ни сил, ни нашей фирменной внешности…» — отметила Бажена черноглазость и черноволосость среднего отпрыска Влада Цепеша. Он здорово выделялся на фоне братьев-блондинов, наводя на мысли о неверности чьей-то женушки.

— А что младший сын? — Бажена изучила древо «для магов» и обнаружила еще одно отличие — ветку среднего сына здорово теснила ветвь младшего. В людском варианте на ее месте был грустный сучочек.

— Про младшего сына все забыли.

Младший сын, отодвинутый от правления, сгинул в человеческой истории. В магической – нет. Да, он не получил от отца колдовских сил, но кое-что у него было. Он оказался восприимчив к магии, как и все его потомки. Сам не обладая силой, он чувствовал ее, видел, ощущал на уровне тела.

– Наша семья ведет свой род от него, от младшего брата, Михаила. Потому мы зовемся Дракулешти Михайловичи.

Ракий сказал МихайлОвичи, ставя ударение на «о». Так что выходило вроде бы и привычное Бажене отчество, но вроде бы и нет. Больше похоже на фамилию.

— Да, мы не одарены магией, но чувствуем ее и к большинству чар у нас полный иммунитет. — гордо сказал Ракий. — Например, на меня нельзя наложить проклятие. И даже приворот!

«Интересно, это он на практике узнал или…?»

Влад Четвертый был Хранителем долины и всех Миорских земель. Для сохранения жизни в ней сразу после его кончины провели ритуал призвания силы. Тот самый, что провели на Мэрцишор со Станой.

Тогда магическая сила Дракулешти впервые повела себя странно. Все ожидали, что дар перейдет среднему брату, как это бывает в магических семьях.

– Ни Мирча, — Раки провел пальцем до соседней ветви, указывая на среднего, — ни Михаил, младший брат, мой предок, его не получили.

— Вышло примерно как сейчас, — догадалась Бажена, — в долине не оказалось Хранителя.

Ракий кивнул.

— Есть мнение, — проскрипел из-за стола Теодор, — что средний сын не был прямым потомком.

«Ага!»

— Неподтвержденное! — парировал Ракий. — Если это так, то она перешла бы по старшинству к нашему предку, Михаилу.

— А может, дело в вашем иммунитете? — предположила Бажена.

Вокруг зашумели, обсуждая эту мысль. Идея о том, что иммунитет Михайловичей может отразить семейную магическую силу, многое бы объяснил, но доказательств не было.

Теодор, на правах старшего, призвал всех к порядку.

— На чем мы остановились?

Ракий снова проделал путь от основателя Влада Дракула, расположенного в корнях, к Александре и Дракону, но от них — к младшей их дочери – Марии-Луизе.

В «человеческом» варианте не было и намека на женскую ветвь Дракулешти. Даже её матери, Александры, не было. В версии «для магов» эта ветвь Дракулешти была обширной и подробной.

— Сила Влада Четвертого выбрала ведьму Марию, твою пра-пра-пра и много еще «пра» бабку.

Милена вытерла слезу с щеки и сказала:

— Через нашу долину проходят потоки энергии, достаточно сильные, чтобы питать всю эту землю. Только хранителю доступно управлять этой энергией, чтобы нести добро этой земле, защищать жителей и все вокруг. Без хранителя земля начала увядать, упали урожаи, начался голод. Османы напали на нашу границу.

«История повторяется».

Мария тогда жила в Италии, но, получив силу, срочно вернулась в Валахию вместе с мужем и дочерьми. Они сохранили долину, но Валахия была уже захвачена и потеряла силу и независимость. Мария-Луиза и и ее потомки отсюда больше не уезжали. Твоя бабушка и её родители были первыми, кто покинули Мирчаша дола.

— Мария была женщиной, она не могла наследовать трон, не могла управлять страной в те времена. В вашей семье всегда рождались девочки. Всегда. — Милена посмотрела грустно на Бажену. — И старшая всегда получала огромную силу. Силу черной ведьмы и силу колдуна-Дракона.

Женщина, присевшая на пол рядом с Баженой, раскашлялась. Один из молодых родственников подал ей свой носовой платок. Она кашляла надрывно и долго, а после быстро скомкала платок в руке. Бажене почудились бурые пятна на белой ткани, но она промолчала.

– Сила Хранительницы, – хрипловато продолжила наконец Милена, – позволила Дракулешти жить в здесь годы в процветании и радости. У нас родился прекрасный виноград, люди в семье жили по триста лет, не зная болезней и несчастий.

Марию с детства звали «Бальса», на старорумынском это значит «дочь дракона».

– С тех пор каждую женщину Дракулешти, обладающая силой хранить долину, мы зовем бальсой.

Бажена пробежала пальцами по коре нарисованного дерева.

Причуда судьбы, от которой не уйдешь: Александра получила силу матери-ведьмы, передала силу дочери — Марии. Мощный дар неизвестного белоголового мага ушел Владу Третьему, от него — Владу Четвертому. После его смерти — тоже Марии.

Две родовые силы достались женщине — мужская и женская.

Ветвь Марии Бальсы уходила в край листа, намекая на продолжение.

— А можно посмотреть мою ветвь полностью? Она на каком-то другом рулоне?

В коробке и правда осталось еще достаточно рулончиков. К подготовке материалов для курсовой Ракий подошел со всей тщательностью

— Ну, тут такое дело. — замялся он. — По твоей ветви у нас почти нет документов. Они пропали в последнюю войну, с тех пор так и не смогли отыскать. А для курсовой, сама понимаешь, недостоверно было бы вставлять неподтвержденную информацию.

— Что!?

Ракий смутился, будто это он лично во всем виноват.

«Что за бардак тут был? Это что за отношение к архивным делам, если потеряли такие важные бумаги! — своего возмущения Бажена, конечно, вслух высказывать не стала. — Да им тут явно не хватает твёрдой женской рукавицы, красиво отороченной шкурой дикобраза!»

— Теперь понимаешь, почему мы провели ритуал для Станы? Мы не хотели отнять твою силу, но нам нужна Хранительница Миоры.. — Милена грустно сказала об этом и Бажене стало жаль Стану.

Эта юная девушка всю жизнь готовилась к роли, о которой она, Бажена, еще ничего не знает. Каково было ей видеть, как более её мама. Она могла бы все изменить, спасти её. Теодор, её отец…

Он вдруг показался ей совсем пожилым, хотя десяток минут назад Бажена не дала бы ему и пятидесяти. Сколько ему осталось?

Пятнадцать лет ждать… И вот, когда девочке грозило повышение в бальсы, дочери Драконов, появляется конкурентка на пост мэрской секретарши. Ой, то есть, бальсы, конечно же!

— Жители Мирчаша Дола связаны с бальсой. Без бальсы первыми умирают старики. После – взрослые и даже дети. В долине давно не осталось долгожителей, Миклош был последним, ему в этом году исполнилось бы триста лет.

– Он тоже, – Бажена запнулась, глядя на желтоватую кожу Милены, – болел?

— Нет, – ответила женщина. – Он умер странной смертью. Не от болезни. Когда инспектор Алес нашел его… тело было сухое. Кто-то выпил из Миклоша всю кровь.

Очаровательный полицейский не нашел рядом с телом деда Миклоша ни следов, ни улик. Однако, точно указал на насильственный характер смерти.

– Шея разорвана у подбородка. Мистер Алес считает, что Миклош видел убийцу перед смертью. Возможно, он его знал.

Долгожитель, проживший возмутительные, по современным меркам, триста лет, унес в могилу знание не только о личности своего убийцы. Он оказался последним, кто участвовал до конца в ритуале призыва силы и мог его завершить.

Бажена почувствовала себя дурно. Перед глазами поплыло. Крошечная черная мошка мелькнула перед лицом.

– А почему все такие спокойные? – прошептала девушка. – Ведь выходит, что призыв силы начался, но мы не знаем, как завершить этот ваш Мэрцишорный ритуал.

Молодые Дракулешти в комнате ничего не ответили, только посмотрели на Серхио.

— Будем действовать по прежнему плану, — спокойно ответил трансильванец.

— Да, — согласилась Милена, — это ничего не меняет. У нас все еще есть Дракулешти, который знает, как завершить ритуал. Но смерть Миклоша показала нам только то, что в долине появился чужой.

— Думаете, это вампир? — Бажена не успела получить ответ.

За дверью послышался шум. Кто-то бежал по лестнице, весело прыгая через ступеньки и отстукивая неизвестный Бажене ритм. Кара чуть улыбнулась, встала и направилась открывать дверь.

В комнату заглянула девочка. Черненькая, остриженная коротко, под мальчика. Но даже ежика волос было достаточно, чтобы заметить ровный антрацитовый отблеск на солнце. Бажена могла бы поспорить с кем угодно, что это – дочь Кары. Девочка была одета в красную курточку. Цвет показался Бажене знакомым.

«А это не она трясла вишню над тоннелем? Странно, мне казалось, там было две фигурки в красном…»

Юная Карина копия сверкнула черными глазами и что-то прощебетала на местном наречии и скрылась за дверью.

— Пора, — седой Теодор поднялся и направился к двери, – ты узнала главное. Остальное обсудим позже.

— Пойдем, Бажена. Сегодня важный день, все жители города собрались, — Кара взяла со стола примара какие-то бумаги и вышла из кабинета.

— Но... у меня еще столько вопросов!

Теодор, вслед за Карой направился к двери. Остальные Дракулешти приготовились выйти вслед за ним.

— А что за праздник хотя бы?

— Выборы, — Серхио распахнул дверь, приглашая ее к выходу персонально, — Теодор снял с себя полномочия, сегодня выбрали нового примара.

— Так… Может… без меня? Я бы отдохнула с дороги.

Бажена зевнула. Судя по настроению новых родственников, сегодня они все очень заняты.

«И правда, расспрошу завтра!»

— Бажена, к сожалению, придется потерпеть. Без тебя никак.

Тон Серхио не предполагал возможности к побегу и отдыху.

Бажена вздохнула и сдалась.

— Ладно, я пойду.

«Но потом вы ответите на все мои вопросы, дорогие родственники!»

##Глава 9. Осиновые зубочистки и безграничная власть

На площади и правда собрались все.

Обстановка была домашняя, как на майских шашлыках в кругу друзей.

Разве что компания друзей перевалила за несколько тысяч. Люди вокруг радовались, переговаривались, передавали миски с ароматной похлебкой и небольшие шашлычки с овощами и мясом.

Бажена прислонилась к какой-то деревянной конструкции, напоминающей то ли сцену, то ли эшафот.

«Раздобыть бы еды…»

Но как? Впервые за день её оставили без присмотра. Вещи остались запертыми в машине. Денег у нее с собой не было. Ни слова по-румынски она не знала.

Девушка заозиралась, выискивая знакомые лица.

Как назло, из известных нашелся только Теодор Вишневецкий.

Он, поскрипывая косточками, выбрался на эшафотного вида сцену и взял микрофон.

Бажена, конечно же, ничего не понимала, но столько слышала мэрских речей, что не чувствовала острую необходимость в переводе.

«Наверняка говорит о важности своего поста, благе народа и красоте города», — думала она, продолжая вглядываться в толпу.

Речь седого Теодора не дошла и до первой трети, как сквозь гущу светловолосых горожан к Бажене протиснулась черноволосая Кара Дракулешти с двумя аппетитными шашлычками в руках.

— Да ты просто мысли мои прочитала, — шепнула Бажена, принимая ароматное мясо, — Я голодная как...

Она не успела договорить, как Кара ее перебила.

— Теодор только что рассказал о результатах выборов. Сейчас он расскажет о текущих планах по реконструкции города и будем слушать речь нового примара. Сейчас он говорит «также мы расконсервируем проект по реконструкции горной дороги и строительство здания аэропорта», — начала она переводить.

Люди хлопали, салютовали кружками, крытыми вкусной на вид пенкой.

Бажена искренне не завидовала новому приору. Опыт подсказывал, что строительство дорог и зданий — головная боль и нервотрепка.

Тем более, что после приземления в поле она не увидела и намека на стройку. Хотя бы пусть и замороженную. А значит, здание аэропорта законсервировали еще на этапе осмотра поля.

«Хуже строительства,, – думала она, дегустируя местную еду, – только организация фестивалей и открытие колхозов».

Бажена прожевала кусочек нежной курочки с паприкой и набором неизвестных ей пока специй, отметила, что непременно нужно узнать рецепт этого божественного маринада, и, с разрешения Кары, подхватила запотевшую кружку темного пива с белой шапочкой у проходящей мимо тетушки в платочке и аккуратном передничке.

— А сейчас поприветствуем нового примара Миорицы, — продолжала переводить Кара. Бажена с наслаждением отхлебнула из кружки, — с радостью приглашаю на сцену госпожу Бажену Дракулешти.

Площадь взревела аплодисментами, Бажена выплюнула вкуснейшее пиво обратно в кружку. Сама кружка выскользнула из рук и полетела на брусчатку. Осколки стекла, перемешанные с пенным напитком, потекли по ложбинкам между камней.

Часть попала на уже изрядно пострадавшие лаковые туфли и любимую юбку. Лучшую, темно-синюю, облегающую так, что ноги казались длиннее, попа – меньше, талия – уже.

— ЧТО!? — кричала она Каре, но та ее не слышала в реве толпы.

В глазах девушки блеснули отсветы софитов. На мгновение Бажена почувствовала пряный запах восточных трав, горячего ветра и пустыни. На неё смотрела девушка в чёрном, а сама Клеопатра, правительница Империи. Стучали барабаны, боевые слоны шли в бой. Но вот наваждение схлынуло. Стук барабанов слился в удары ладоней тысяч Дракулешти на площади Миорицы.

— Пойдем, — крикнула черноволосая Бажене, наклонившись к самому её уху — все будет хорошо, обещаю.

Коварная Клеопатра, хитро щуря глаза, потащила ее в сторону сцены.

Люди быстро образовали дорожку до самой сцены, приветствуя Бажену и поздравляя на незнакомом языке.

— Я не знаю, как вы это все сделали, но нельзя было заранее сказать? — шептала она Каре, одновременно пожимая руки, тянущиеся к ней вдоль всего живого коридора..

— Мы не успели, – шептала Кара в ответ, – Раки слишком углубился в историю, — в голосе Кары почему-то не слышалось ни капли сожаления.

— Но как вы это провернули? — Бажена отметила, что в толпе мелькнула белая рубашка инспектора полиции.

Мелькнула и пропала.

— Голосование онлайн. Двадцать первый век, мы начали оформлять документы еще в марте. Тогда стало ясно, что новый примар — дело недалекого времени. Когда Серхио нашел тебя, оставалось только вписать имя. Все жители города проголосовали еще утром.

— Даже инспектор? — Бажена помахала девушкам, стоящим плотной стайкой на балконе на противоположной улице.

Девушки заметили и бросили в ее сторону букет цветов.

— Нет, он не житель города. Два года назад прислали из столицы, — она пожала плечами, — мы стараемся не конфликтовать со светскими властями. Это, кстати, основная причина, почему ты теперь приор.

— Потому что я бальса? — букет не долетел до Бажены каких-то пару метров. Место приземления отметилось в толпе веселым смехом.

— Да. У нас принято, что глава семьи и глава города – одно лицо. Лет триста назад тебе бы нашли знатного мужа. Правила бы этими землями как жена господаря.

— Славься двадцать первый век, славься демократия, славься эмансипация и электронное голосование, — мрачно ответила Бажена, радушно улыбаясь людям вокруг.

Сцена была недалеко, но пожимания рук и приветствия снизили скорость Бажены до минимума.

— Все так. До тебя главой рода была Милена, но она не хотела править и переложила все на мужа. Потому он был примаром города. Сейчас долина по праву твоя. А право на власть принято оформлять официально.

— Ловко. Теперь даже те, кто не знает про мою страшную магическую силу, знают, что я тут главная.

— Верно, и не будут удивляться, когда тебе будут оказывать почести или когда твоя подпись будет на всех важных документах.

— Почести — это хорошо, почести — это я люблю. — приговаривала Бажена, уже поднимаясь по лестнице на сценашафот.

Толпа приветствовала Бажену так, будто она родилась и выросла в этой горной деревушке. И буквально вчера лично завоевала на олимпийских играх все золотые медали. А

сегодня вернулась домой и сейчас героически продемонстрирует добычу, прославившую это никому не известное селение в веках.

— Что говорить то? — шепнула она Каре, прикрыв микрофон рукой.

Девушка встала на сцене рядом с Баженой.

Толпа умолкла. Люди решили, видимо, что речь уже началась.

— Да что угодно, — черноволосая протянула руку в сторону, принимая от Теодора второй микрофон, — по-русски понимают не все, а речь у меня давно готова, — она достала из кармашка своего чёрного платья сложенный вчетверо листок, — ты говори что-нибудь, а я зачитаю на румынском. Со стороны будет выглядеть, будто это перевод.

— Кара, напомни потом, что я тебя люблю, но однажды я тебя придушу,. — Бажена вздохнула и осуждающе посмотрела на улыбающуюся Кару, — погнали.

И они погнали.

Начала Бажена скромненько. Но толпа так бурно аплодировала Кариному «переводу», что минут через пять девушка дала волю фантазии:

— И я также обещаю, что не буду воровать и брать взятки! Искореню коррупцию, если она тут есть! Буду делать так, чтобы всем было в Мурчащей доле жить лучше, чтобы жить было веселей!

Бажена заметила, что Кара делает ей какие-то знаки. Присмотрелась — на листке оставалось еще пара абзацев румынского текста. А значит, до конца речи нужно сказать что-то еще. Должен же «переводчик» переводить какие-то слова?

Еще мгновение назад Бажене показалось, что у нее закончились все идеи для экспромтов. Хотя нет, не все!

— А также пополню запасы чеснока и зеркал, закуплю осиновые колья или хотя бы зубочистки. Осветим побольше воды и дадим отпор кровопийцам! — продолжила свежеиспеченная примарша.

Кара показала ей большой палец и зачитала завершающую часть «перевода». Что она там говорила, Бажена, впрочем, все равно не поняла.

Толпа рукоплескала. Бажена помахала тем, кого ей было еще более-менее видно, то есть, первым десяти метрам. Дальше лица терялись в наступающем на горный городок вечере.

Зажглись фонари.

— Кара, а инспектор точно не понимает по-русски? — спросила Бажена, когда они отошли к краю площади и нырнули в знакомый джип. — Он на выступлении подошел к сцене так странно смотрел. И еще он не улыбался. Вообще. Будто что-то понимает.

— Дин Алес, немец. По-румынски говорит сносно, конечно. Но русского не знает, я проверяла. — успокоила ее Кара. — А что до его хмурого лица, это он из-за Миклоша. Понимаешь, он у нас уже почти два года работает. У нас не происходило вообще ничего. Отдыхай в свое удовольствие на свежем воздухе. А тут — загадочная смерть и явно насильственная. Естественно, ему теперь и писать отчеты, перед начальством объясняться, в столицу ездить – одни хлопоты.

— И преступника искать.

— При том — безрезультатно. Даже немного жаль инспектора.

— Думаешь, не найдет? — Бажена, за неимением конкурентов, села на переднее пассажирское и теперь безнадежно ощупывала все вокруг в поисках ремня безопасности, которого, похоже, тут никогда не было.

— Не думаю, — Кара повернула ключ и панель перед ней загорелась, — я уверена. — она посмотрела мельком в зеркало заднего вида, убедилась, что никого нет и осторожно поехала вдоль площади, — ни маг, ни, тем более, человек не сможет поймать другого вампира. Если только вампир не хочет, чтобы его поймали.

Бажена представила Дина Алеса, бегущего за жутким окровавленным чудовищем с макаровым наперевес.

«Хенде Хох!» — закричал он одну их тех редких фраз на немецком, которые осели в голове за тридцатилетнюю жизнь.

«Какой макаров, я в Румынии!» — осекла Бажена саму себя.

— Даже другой вампир с трудом может найти неизвестного вампира, — продолжала Кара, сворачивая на безлюдную боковую улочку, — а тот, кто посмел убить старика из рода Дракулешти на территории Влада... Тот вряд ли захочет общаться с властями.

— Кара, так говоришь, будто они тут на каждом углу!

##Глава 10. Примэрский секретарь

Они проехали несколько узких улочек, Кара остановилась у темного дома. Фонарь выхватил из стены массивную резную дверь. Девушка не спешила выходить, а Бажене, в общем-то, торопиться было некуда.

— Один точно есть.

В темноте не было видно ее глаз, но Бажена была уверена, что Кара вглядывается в черноту за ее спиной. Обернулась, но ничего не увидела.

— У вас что, в городе живет вампир. Настоящий?

— Не живет. Он спит уже сотню лет. И его давно уже пора разбудить.

— Может быть, не надо? Спал себе человек, ой, вампир. Никого не трогал.

— Бажена, нам придется его разбудить. После смерти Миклоша, он — единственный, кто знает, как завершить ритуал и передать тебе силу бальсы. Кроме того, только Влад может научить тебя пользоваться этой силой.

— Подожди-ка, что еще за Влад?

— Влад Четвертый, Дракулешти.

— Который был, — Бажена покосилась на Кару с подозрением, — внуком Александры и Дракона? Сын Влада Цепеша?

Собеседница кивнула. Действительно, упомянутый Влад был настолько близко к корням родового древа, что Бажена его хорошо запомнила. Как и то, что он..

— Он же умер!

— Не совсем.

Кара улыбнулась прохладной египетской улыбкой, демонстрируя Бажене свою древнюю красоту и мысль, что если и есть люди, не способные так просто умереть, то большинство из них так или иначе оказываются Дракулешти.

— При жизни у него была сила Хранителя этих земель. После смерти Влада глава одного из вампирских кланов вернул его из небытия. Это, — она остановилась, чтобы подобрать слова, — большая редкость. Мы мало что знаем о вампирах, но одно могу сказать — в свой клан они принимают только по необходимости. Обычно — если погибает кто-то из общины. Но Влада почему-то оживили...

Влад, насколько знала Кара, не рассказывал семье подробностей ни смерти, ни прекращения в бессмертного. Ракий, готовясь к защите курсовой, нашел только одно упоминание об этом в архиве – какой-то старый дневник. Там была короткая запись, что это сделал могущественный вампир с черными крыльями на спине.

– Хотя странное крыльев у них, вроде бы, не бывает, — пояснила Кара, – вся эта история выглядит как что-то из ряда вон выходящее. Так что я не удивлюсь и крыльям, и хвостам, и черт знает чему еще.

— Что может быть страньше хвостов?

— Например, то, что Влад стал первым и, пока, единственным магом за всю историю, которого сделали вампиром.

«Родственники у меня, что надо!»

Кара продолжила:

— Тогда все узнали, что после обращения в вампира магическая сила уходит.

— Он перестал быть магом? Почему так?

Кара пожала плечами:

— Понятия не имею. Повторных экспериментов не проводили. По понятным причинам. Но я думаю, все дело в смерти. Магическая энергия течет сквозь живое человеческое тело.

Тело умирает, магия уходит. Тело лежит мертвым, после перерождается в новое существо, в котором уже нет места потокам живой энергии.

Звучало логично.

После смерти сила Влада перешла к Марии. Он больше не обладал магией, но многое знал.

– Удивительно, — хмыкнула Кара, — вампиры разрешили ему остаться в долине, с семьей.

— Могли не разрешить?

— Не уверена, что они вообще выходят за границы своих территорий. Бессмертные живут незаметно и скрытно. Мало кто их вообще видел. Мы о них почти ничего не знаем, в контакт они вступают разве что с Министерством Магии. Да и то больше по политическим или территориальным вопросам.

Новичок, принятый в клан, исчезает безвозвратно. А Влад остался. Помогал Марии и её потомкам. Учить новую бальсу использовать силу и служить этим землям, править. Мария стала первой бальсой — Хранительницей долины, первой женщиной во главе рода. Ей пришлось непросто, сила далась ей не сразу. Влада всю жизнь готовили и обучали, он должен был стать господарем и Хранителем этих земель. А её учили быть хорошей женой и матерью. Она была не готова.

– Он знает больше многих и главное, он — Дракулешти.

— Так вот откуда он знает ритуал!

— Он сам его создал, Бажена. — Кара вытащила наконец ключ, огоньки на приборной панели джипа погасли, — И он точно сможет его завершить.

Кара привезла девушку к гостинице. Она располагалась в большом старинном здании с высоко расположенными окнами первого этажа. Когда-то они были закрыты толстыми решетками, но сейчас от них остались только небольшие железные пеньки.

Первые этажи гостиницы напоминали часть тюрьмы или церкви. Кроме того, часть здания была пристроена позднее и отличалась цветом камня, рисунком кладки и размером окошек.

– Узнаёшь? – спросила Кара, указывая на здание.

– Нет, - честно ответила Бажена.

– Наша достопримечательность. Именно этот дом в поместье Карфакс сэр Брэм Стокер описал в своем романе. По сюжету, граф Дракула хотел купить его. Влад нашел этот дом в Англии, выкупил и перевез сюда. Теперь здесь наша городская гостиница. Пойдем, – она едва тронула кончиками пальцев высокую резную дверь – та открылась.

За ней начинался просторный холл вполне современной гостиницы.

— Все на площади, — Кара кивнула в сторону пустой стойки, — гостиница принадлежит Дракулешти. Так что мы возьмем ключ и заселим тебя самостоятельно. Ты на каком этаже хочешь жить? Есть номер на втором, есть на третьем.

— Давай повыше, люблю красивый вид.

— Есть еще получердак, там как раз свободно, но голуби шумят.

— Ничего, переживу, — Бажена с детства мечтала пожить на чердаке, и впервые подвернувшуюся возможность упускать не собиралась. — Хватай ключи и бегом наверх, смывать с меня пыль дорог и пот дорог. А то у меня на коже уже соль хрустит. Ванная там есть?

— Ванная есть, но сам номер небольшой. Зато вид на крыши.

Кара приподняла брови, глядя как Бажена снимает и ставит в уголок красные туфли на шпильке, не иначе как чудом уцелевшие этим насыщенным днем.

— О да! — счастливо пропела она, с наслаждением шевеля пальцами на ногах, — даже если туфли украдут, я плакать не буду! — пояснила Бажена. — Я их больше не надену! По вашей брусчатке или в кедах или босиком.

Как мало нужно для счастья женщине, которая целый день провела в красивых туфлях на каблуке!

Разутая и совершенно счастливая Бажена на мгновение забыла, что смертельно устала, что стала примаром румынского города, что не знает никакого языка, кроме русского, что вокруг, похоже, бродит вампир, что она, Бажена, очень хочет есть, что у нее есть какая-то неведомая сила и даже о том, что два часа назад она отдала бы душу дьяволу за право встать под струи горячего душа.

Вместе с Карой они донесли до самого верха лестницы сумку и плотненько набитый вещами чемодан Бажены.

Небольшой номер оказался в три раза больше однушки, снимаемой Баженой в Заяжске.

Она быстро прикрыла за собой дверь, по привычке боясь, что ее дурные кошки выбегут на лестничную клетку.

Уже после вспомнила, что шкодливые создания остались у Ангелины Карловны из сорок второй. То есть, у своей настоящей хозяйки, а не временной, коей Бажена была последние два года.

Она прошлась через гостиную зону, образованную тремя диванами, стоящими вокруг кофейного столика. За ними, прикрытые длинными летящими шторами, всё стену, от пола до потолка, занимали окна с видом на город.

Деревянные рамы с красивыми латунными ручками открывались и вели на просторную террасу со столиком и парой уютных плетеных кресел.

Бажена не стала открывать окно и пошла за Карой — посмотреть ванную.

— А что у вас в больших номерах? — она внимательно изучила белую ванную на золоченых лапах неведомого зверя, одиноко стоящую посреди ванной комнаты. — Бассейн?

— Джакузи, — невозмутимо ответила Кара, — у тебя есть еще душ в углу и вон за той шторкой гостевой набор косметики. Если чего-то не хватает, составь список и положи список на столике. Горничная дозакажет необходимое. Бажена, ты чего хмуришься? Не нравится? Можем посмотреть другой номер, пока вещи не разложила.

Бажена погладила шершавую стену, из которой торчал кусок необработанного камня – красиво.

— Не нужно. Мне здесь очень нравится. Лучше скажи, много в городе посторонних?

— Не Дракулешти?

Бажена кивнула, рассматривая настенное украшение — доску мореного дуба, будто вырванную из какой-то массивной деревянной конструкции. Когда-то украшенная глубокой резьбой, сейчас на ней едва угадывались то ли лапы, то ли чьи-то чешуйчатые хвосты.

— Инспектор полиции, его прислали из столицы, — начала перечислять Кара и сразу закончила, — несколько туристов и наших гостей. Все живут тут же, этажами ниже.

— Врач, учителя, еще кто-то?

— Школа в соседнем городке. Врач в соседнем городе.. Дракулешти не болеют, — и добавила, — точнее — не болели.

Бажена коротко кивнула, не отлепляясь от полюбившейся стены. Кара еще раз прошлась по номеру и засобиралась домой.

— Значит один этот Дин живет в долине постоянно… Кстати, а почему он не голосовал? Не поняла до конца. Он же живет уже два года в Миорице.

– У нас могут голосовать только те, у кого в долине есть дом или земля.

— Которую ему, конечно же, никто не продаст.

— Не продаст. Все земли в округе принадлежат нашей семье. Хорошей земли в горах мало. Дракулешти – много. Все сделки в долине проходят только между членами клана.

— Что позволяет вам полностью контролировать примерно, — Бажена задумалась, — Всё? Избрать мэра, то есть, примара, большинством голосов, разрешить строительство или запретить что-то единогласно?

— Конечно же да.

— Выходит, примар, глава семьи, имеет неограниченную власть?

— Я почему-то знала, что тебе понравится. Втянешься.

«Вот дела, теперь я мэр», — подумала Бажена отстраненно. Деревянный глаз с резной доски, висящей на стене, ей подмигнул.

— А мне не положена секретарша или помощник? — Бажена зачем-то спросила, хотя подмигивающие доски явно намекали, что возможно стоит лечь спать прямо здесь и сейчас, не тратя время на ванну и даже на душ.

— Считай, что он у тебя уже есть, – улыбнулась Кара.

— О-о-о-о, только не говори, что это ты!

— А что не так? Я знаю десяток европейских языков и знаю основы колдовства, — Кара улыбнулась своей египетской улыбочкой болезненно выдохнувшей Бажене, — могу показать диплом Университета Штормов. В отличие от Раки я изучала практическую магию и могу колдовать.

Бажена впервые принимала на работу человека и сразу – родственницу. Бажена подумала было о факте кумовства, но тут же отбросила эти мысли. Да, Кара Дракулешти была ей сколько-то там юродной тёткой. Но она точно была ценным сотрудником. Даже бесценным.

—Секретарша-колдунья? — Бажена присела на край ванной, намекая, что примаский прием окончен. — Ладно, я подумаю. Я подумала! Приходите завтра, приносите диплом. Обсудим вопросы воскрешения дальних родственников.

— Не колдунья, — поправила её бесценная сотрудница, – я - ведьма. И я уже подготовила план на завтра: посмотрим на замок и начнем ритуал с зеркалом.

— О, еще и какое-то зеркало! Так, все завтра! — Бажена потянулась к верхней пуговице блузки. — И так голова взрывается и мне пора срочно опробовать эту вашу скромную румынскую ванную! Кыш-кыш с мэрского чердака!

Кара ушла, а Бажена наконец села распаковывать чемодан.

Он был набит вещами так, что стоило хозяйской руке притронуться к молнии, как она треснула и чемодан. Чемодан плюнул в Баженину сторону одежду, косметику и гору чего-то неведомого, заботливо завернутого Ангелиной Карловной в отдельные пакетики.

Соседка пришла забирать кошей и заодно помогла собрать вещи. Похоже, старушка добавила что-то от себя: какие-то сушеные травы, баночку маринованных опят, вязаные шерстяные носки.

Глядя на кучу вещей на полу, Бажена поняла, что уже не в силах заниматься уборкой и благоустройством жилища. уборкой.

«Ладно, сегодня завернусь в халат, а завтра уже все разберу, — решила она, провожая взглядом металлическую тарелочку, впихнутую доброй соседкой в чемодан. Тарелочка медленно и красиво закатилась под кровать, где звякнула о пол металлическим краем и затихла. – Вот и проси Ангелину Карловну помочь. Надеюсь, она мне туда утюг не запихала вместе с парой сковородок!»

Искать сковородки Бажена не стала и пошла, наконец, осчастливливать себя погружением в горячие воды, полные ароматной пены, и мысли о прекрасном светлом будущем, которое у нее, Бажены, непременно будет.

##Глава 11. Потрогай облако

Поутру Бажена Бальсова открыла глаза и испугалась, не увидев ни наглой морды Анфиски, ни мехового бока Варьки, ни сероватой побелки на потолке с пятном, так похожим на след от ботинка.

Мгновение и она вспомнила, что теперь она никакая не Бальсова, а Бажена Дракулешти, примар сих земель, хранительница чего-то там и прочая и прочая, о чем стоит сегодня обязательно уточнить, пока она, определенно теперь высокопоставленная особа, не угодила в какую-то передрягу.

Или не получила нагоняй от начальства, о котором, кстати, ей пока ничего не рассказали. Да и вообще не ясно — оно тут есть?

Ночью она не успела рассмотреть вид за окном: видно было только огоньки окошек и зарево празднично освещенной площади.

Первое, что она сделала, осознав себя здесь и сейчас, это прямо в одеяле прошла на террасу.

Низкий бортик, увитый плющом пополам с пышным виноградом, открывал вид на красноватые черепичные крыши, волнами расходящиеся в стороны.

Дома в городке были не выше третьего этажа, а Бажена, заселенная на чердачный пятый, оказалась над городом.

С террасы он просматривался до самых обрывистых скал, которые естественной оградой прекращали разрастание городка в разные стороны.

Судя по увиденному, шансов стать гражданином города инспектору Дину Алесу не светит и не будет светить.

Как сказала вчера Кара, и Бажена склонна была поверить черноволосой Дракулешти на слово; если все дома и земли принадлежат одной семье, то у приезжих и гостей города был только один шанс «вселиться» в Миору на постоянной основе.

И шанс этот полностью зависел от действия богов, катаклизмов и природных бедствий. Всего того, что в официальных договорах обозначают строчкой «события непреодолимой силы».

Например, если внезапное землетрясение превратит чей-то домик в романтично поросший бурьяном пустырь. На котором, по правилам заросших бурьяном пустырей, вдруг вырастет многоэтажка. А за ней, как это бывает, ряды многоэтажек поползут в центр города, снося на своем пути симпатичные домики и крошечные садики, втиснутые между старинных каменных стен.

Бажена отогнала подальше больные фантазии о градостроительстве.

Уютный маленький городок ужасно понравился ей своей средневековой атмосферой и сказочной красотой.

Хотелось выбежать на улицу и пройтись по узким улочкам, мощеным черным камнем, потрогать стены, сложенные где-то из того же камня, где-то из кирпича.

Заглянуть в садики, отгороженные с улицы заборчиками не выше колена или просто парой символических кустиков.

Бажена зачарованно присела на краешек террасной оградки. Взгляд ее скользнул вниз, на пустынную улицу.

По ней ездили еще до того, как люди изобрели автомобили. Старинная дорога выглядела, для своих лет, превосходно.

В десятки раз лучше любой Заяжской.

Перед глазами Бажены проплыл мгновенно выдуманный ей по такому случаю мушкетер на вороной лошади с блестящей шерсткой.

«На подтянутой и стройной лошади» — поправила она себя. Улочка была такой узкой, что толстая раскормленная коняга застряла бы еще в начале этой самой улочки, у открытого окна.

Окно было в тени, оно располагалось напротив террасы и отражало содержимое гостиничной комнаты этажом ниже, прямо под Баженой спальней.

Судя по отражению, рамы у соседа снизу были распахнуты, а сам сосед возлежал на придвинутой к окну кровати, демонстрируя сказочной красоты филейную часть, прикрытую, к глубокому Баженину сожалению, знакомыми синими джинсами.

В дверь постучали. Бажена, едва не упав вниз, на мостовую, удержалась и бросилась в комнату – пришла Кара.

Девушка, не успев одеться, встретила секретаршу с невозмутимостью королевской особы, которая ежедневно с десяти до десяти пятнадцати радует подданных своим присутствием в королевском одеяле.

Кара принесла несколько вешалок с платьями и принялась располагать их в гостиничном шкафу. Туда же она вознамерилась перевесить другую Баженину одежду, кучно лежащую на полу.

Бажена вернулась на террасу. Увы, этажом ниже никого не было. В окне отражалась пустая кровать со смятой белой простыней.

— Что-то интересное? — крикнула Кара из комнаты.

— Сосед снизу. Точнее его… хм…крепкая попка. Как думаешь, я могу с ним познакомиться?

Кара вышла на террасу, посмотрела на незастеленную соседом кровать и отошла в комнату, приглашая Бажену отправиться за ней.

— Вы уже знакомы, твой сосед снизу — инспектор полиции.

«Точно, он же живет в гостинице, как и я, — вспомнила Бажена и вслух поправила «помощницу», — ты хотела сказать «прекрасный Дин Алес»?

— На мой взгляд, слишком красив, — нахмурилась Кара, — кроме того, он знает, что красив. А такие мужчины в сотни раз опаснее красавчиков, не понимающих, насколько они привлекательны.

– Эх…

Бажена задумалась над этой глубокой мыслью, но вспомнила про замок.

— Расскажи про замок, Кара!

— Миоа'рэ, замок бальсы, он на горе.

Бажена скосила взгляд на окно. Ни горы ни замка видно не было, только крыши домов. Кара развела руками.

— Твои окна выходят на другую сторону. Но если хочешь посмотреть прямо сейчас, можем вылезти на крышу.

— Нет уж, я слишком стара, чтобы лазить по крышам. А почему я не заселилась сразу в замок?

— Если честно, в нем уже давно никто не живет.

— Но это мой замок? Правда? Мы же поедем туда?

— Обязательно. Я затем за тобой и пришла. — она повесила на плечики какую-то кофточку и закрыла дверки шкафа. — Нужно ехать прямо сейчас, чтобы успеть до полудня.

— А что такого в полдень?

— В полдень нужно забрать зеркало, — она пояснила, — артефакт, из хранилища. Стана поедет с нами, она тебе покажет, как его использовать. Она знает достаточно, чтобы подготовить тебя к завершению ритуала.

О том, что для завершения ритуала нужно еще разбудить древнего вампира, Бажене даже думать не хотелось.

Они спустились в холл, такой же пустынный, как и вчера.

В углу, под лестницей, Бажена заметила старенький гобелен.

Накануне ночью угол, в котором он висел, показался Бажене черной пустотой. Сегодня же, в свете дня, она увидела симпатичный столик с гнутыми ножками, вазу с цветами и тканное изображение старинного замка.

— Это та самая Миора? — спросила Бажена и сразу же увидела надпись «Mioara», вытканную почему-то не внизу гобелена, у основания замка, а сверху, на белом облаке, зацепившемся за шпиль на самой высокой башне. Кара кивнула.

— Поедем, посмотришь на свои владения, – она тронула рукой ткань, – Влад лично проектировал эти башни. Миклош говорил, он очень их любит.

Бажена зябко повела плечами. В Миорице все говорили об условно мертвом человеке, будто он их сосед или родственник. Это было жутковато.

«Хотя он и правда всем им, то есть, нам... родственник!»

— А где он спит? — поинтересовалась Бажена будто невзначай. — И как его разбудить?

Судя по гобелену, Миора должна быть белым замком на высокой горе. Массивное строение, украшенное двумя высокими башнями, должно быть, сияет на солнце.

Время потрепало ткань, на одной из башен проступило грязное рыжее пятно. Поблекли краски, но ощущение радости, которое хотел передать старинный мастер, его любовь к этому месту — остались.

Бажена снова почувствовала, что ей здесь нравится. Что хочется гладить камни стен, сидеть по утрам на балкончике с чашечкой чернейшего кофе и смотреть на котов, греющихся на красных черепичных крышах.

Кара достала из стенного шкафа коробку с начищенными туфлями Бажены, брошенными вчера у лестницы.

Влюбленная в высокие каблуки, за ночь она пересмотрела свои взгляды.

Ходить в красных лакированных колодках, сводящих с ума всю мэрию Заяжска, в Миорице оказалось негде и некуда. Средневековая брусчатка так вообще, по мнению девушки, пыталась ее убить.

А если не убить, то сломать ноги!

Наученная короткой, но впечатляющей вечерней прогулкой, Бажена надела скромные спортивные кроссовки и уже успела подумать о смене стиля.

Раз можно докупить косметику в ванной, почему бы не заказать тапочки, балетки и туфельки на плоской подошве?

Бажена быстро схватывала новое. Так что на горную прогулку обе дамы отправились в удобной обуви.

— Твоя главная задача в качестве наследницы Влада — привести замок в достойный вид, — инструктировала Кара по дороге к уже знакомой машине, — Он спит с конца девятнадцатого века. За это время замок пришел в некоторый упадок.

Влад Четвертый Дракулешти оставил довольно простые инструкции для потомков: будить его следовало в парадной замковой зале, в обстановке торжественной и праздничной, в присутствии бальсы и всей клановой родни в день его рождения – ровно в середине лета, пятнадцатого июля.

Более детальная версия была в записях покойного Миклоша и сейчас десяток Дракулешти перекладывали архив старика по листочку в поиске этого важного документа.

— Удивится же он, когда проснется! — поделилась она мыслями. — С девятнадцатого века столько всего появилось: самолеты, смартфоны, интернет! Машины…

– Машины как раз появились в конце девятнадцатого века, – поправила её Кара.

– Такие – нет! – кивнула Бажена на блестящий черный бок внедорожника, где их ждала полностью собранная Стана Дракулешти. Нахохлившаяся и недовольная. Рядом с ней на заднем сиденье — две девочки-близняшки в красных курточках.

Девочки оказались старшими дочерьми Кары. Родство просматривалось и в их иссиня-черных волосах, и в оливковой коже наследниц Египетского трона. Одну из них Бажена видела вчера в ратуше. Но которую?

Кара представила их как Тишшу и Дору. Тишша сидела у окна, Дора — в середке. Только так, по расположению на сиденьях, Бажена их и запомнила.

На первый взгляд девочки казались совершенно одинаковыми, но разглядывая их отражение в зеркале, Бажена заметила, что близняшки отличаются по характеру.

Дора, что уселась в середке, более общительная и живая, сразу начала болтать, что-то напевать. Тишша — тихоня, уставилась в окошко и отмахивалась от шумной сестры.

Бажена с Карой сели в машину. Кара, конечно же, на место водителя. Бажена — в пассажирское кресло.

Стана даже не повернула головы, так и продолжила смотреть в окно.

Сидеть сзади, с детьми, шестнадцатилетней Стане, считавшей себя взрослой женщиной, совсем не хотелось. Своего возмущения она не скрывала. Загадочно и задумчиво изучала узкую улочку, наверняка знакомую ей до самой мелкой подробности, и делала вид, что находится в машине совершенно одна.

Впрочем, беседа между Баженой и Карой увлекла и ее.

Кара рассказывала, что Влад, будучи еще живым, считался новатором и в магии, и в человеческих науках. Разрабатывал новые заклинания, изучал инженерное дело, провел в городе водопровод по примеру римских, внедрил хитрые механизмы для обработки земель.

В его правление Мирчаша дола достигла рассвета.

— Именно тогда, в годы его жизни, здесь начали шить одежду для всей магической Европы и сажать лозы. И сцедили первую бочку знаменитого Миорского белого! Поднимемся на гору, покажу тебе первые виноградники! — Кара кружила по городу и Бажена сразу перестала следить за поворотами, понимая, что дорогу в этом лабиринте улиц она все равно не запомнит. — Сейчас за виноградниками следим мы с Серхио.

— Виноград сажали и раньше, — фыркнула Стана, — и вино делали. Просто обычное.

— А Миорское белое — особенное?

Кара зажмурилась довольной кошкой на солнце.

— О, Миорское — самое необыкновенное вино в мире! Его делают из сорта uvas mioara, он впитывает магию. Влад Четвертый Дракулешти вывел этот сорт. Эндемик, растет только здесь.

– Когда он заснул, – вставила недовольная Стана, – некоторые маги пробовали вывозить лозы из долины. Украсть. Но ничего не получилось. В новом месте виноград теряет все свойства.

Девочки-близняшки щебетали тихонько о чем-то своем.

— Миорское белое в магическом мире — дороже золота, — улыбнулась Кара, — само по себе — сильнейший эликсир. И основа для редчайших зелий. Поставляем во все страны мира. Очередь на каждую бутылку!

Кара не скрывала гордости за семейное предприятие.

— И вкус у него безупречный, — она подмигнула Бажене, — а ещё после Миорского не бывает похмелья! Сколько его ни выпей!

— О! И правда – волшебное! — расхохоталась Бажена.

Резкий поворот заставил пассажиров замолчать.

— Влад любит долину, — добавила Стана, — перед сме... , — она запнулась, — перед сном он провел в город электричество и телефон.

– Тогда не во всякой Европейской столице были такие блага, – усмехнулась Кара.

— Почему же он заснул? – задалась вопросом Бажена.

Кара вывернула из-за очередного дома, оказавшегося последним на краю городка, и выехала с брусчатки на проселочную дорогу, сразу забравшую резко вверх по склону. Взревел мотор, она спешно сменила передачу.

Немного тряхнуло. Девочки сзади привычно схватились за ручки в потолке.

— Миклош говорил, что Влад устал, — Стана начала оттаивать, разговорилась, — в конце девятнадцатого века было спокойно, хорошо. Появлялись новые технологии, люди говорили о мире и гуманизме. Он и решил, что может отдохнуть лет сто от насыщенной жизни.

Бажена промолчала. Даже без глубоких знаний истории, которыми была хорошенько накормлена Стана и, похоже, все местные Дракулешти, она понимала: Влад Четвертый в конце девятнадцатого века здорово прогадал – уже в начале века двадцатого началось такое, что ему не приснилось бы в худший день Средневековья.

Он думал, что оставляет долину в мире и спокойствии, а стоило ему уснуть, как на этот самый мир сломался: революции сожрали веками устоявшиеся империи, новые, возникшие на их месте, трясло от беспорядков и войн. А новые технологии, которые так нравились Владу, выкосили больше жизней, чем за всю историю Трансильванских конфликтов с Османами.

— Как думаешь, Стана, ему у нас понравится? — поинтересовалась Бажена у девушки. Очевидно, та знала о своем предке гораздо больше жены Серхио.

— Зависит от тебя. — ответила Стана и почему-то вся сжалась, снова отвернулась к окошку, смотреть на довольно безрадостный вид отвесной каменной стены, осыпающейся мелкой каменной крошкой.

Близняшкам и Бажене повезло больше — с их стороны открывался вид на город с немного пугающей высоты. Сразу за неогороженным краем плотно уезженной грунтовки, которую Кара гордо назвала «горной дорогой к замку», земля обрывалась резко вниз.

Усыпанная булыжниками, камнями и камушками, «горная дорога» уходила вверх, наклон все увеличивался и увеличивался.

Бажена начала понимать, почему Кары ездит на этом монструозном авто – легковушка по такой дороге проехала бы до первого же участка, где серпантин одновременно изгибался вбок и почти вертикально вверх, будто змея, пойманная мангустом и отчаянно пытающаяся скинуть с себя этого мелкого наглеца. Примерно на середине подъема дорога особенно дерзко изогнулась и нырнула в густой белый туман.

Тишша и Дора запищали весенними птичками, прилипнув к окну. Кара пояснила с улыбкой:

— Девочки любят облака. Затем и поехали.

Стана недовольно сморщила носик, делая вид, что поездка через облако ей вовсе не интересна, обыденна и скучна.

Бажена, совершенно разделяя детский восторг, опустила стекло и высунула наружу руку. Кончики пальцев скрылись в густой взвеси воды, которая почему-то решила летать в воздухе, а не течь по земле, как это обычно делают приличные воды.

— Впервые трогаю облако, — прошептала она.

##Глава 12. Жареный ёж

Кара вывернула руль и машина выбралась на небольшую площадку. Туман остался внизу, протягивая в сторону машины белые полупрозрачные ниточки. Отсюда, сверху, туман имел вид, привычный каждому пассажиру самолета, которому повезло сидеть у окошка: пушистое белое облако! Оторванные от облака проехавшей машиной белые клочки степенно таяли над дорогой.

Не успели они остановиться, как Тишша и Дора уже вылетели из джипа и побежали назад – в туман.

Кара залезла в багажник, не обращая внимания на шалости дочерей.

— Чай будешь? — спросила она у Бажены, доставая из сумки термос.

Бажена во все глаза смотрела на красоту, растекающуюся сразу за краем дороги. Она протянула руку на голос и тут же получила чашечку ароматного чая.

Они сели на самый край и молча выпили по чашке. Подошла Стана, которой, как оказалось, скучно сидеть в машине одной.

— Стоило лететь не пойми куда, чтобы увидеть это? — шепнула Кара.

Бажена согласно кивнула, вглядываясь в остренькие шапочки гор, уходящие вдаль.

Стана недовольно засопела и тут же получила от Кары свою порцию чая.

— А тут всегда облака? — Бажена проводила взглядом клочок тумана, оторвавшийся от большого облачного куска. Клочок степенно выплыл на солнце и не менее степенно растаял, превратившись в ничто.

— Да. Они столетиями скрывают замок. Издали, откуда бы ни смотрели с земли, гора выглядит как гора с насаженным на неё облаком.

Стана улыбнулась, вспоминая что-то по этому случаю. А вспомнив, поделилась:

— Не всегда маскировка работает хорошо. Например, в жару, когда в горах уже растаял снег. Особенно в самой середине лета. Погода ясная и единственная в округе гора, на которую насажено здоровенное облако. Выглядит странно.

— Я пробовала разобраться в чарах, наложенных на гору, но, — Кара умолкла на мгновение, нужное, чтобы отхлебнуть глоток чаю, — ты не поверишь, не обнаружила никаких чар.

Бажена, о чарах до сего момента знающая только из художественной литературы и фильмам, готова была поверить во что угодно.

— Знаешь, почему замок называется Миора? — Кара поставила крышку термоса с остатками чая на колени.

Бажена, конечно, не знала. Только поежилась.

Стана, не спросясь, нужно ли, сходила в машину за пледами.

Если у подножия горы, в деревеньке, претендующей на новый Баженин дом и подведомственный ей удел, царило летнее тепло, то здесь, над облаками, сидеть на горной дороге с видом на долину, было по-осеннему зябко. Пледы оказались очень кстати.

— Миоа'рэ по-румынски значит — овца, — сказала Стана тоном, будто объясняла маленькому ребенку, что не стоит трогать ручкой горячий утюжок, — С земли облако выглядит, как кучерявая овца на вершине.

Девочка многозначительно посмотрела на кудрявые волосы Бажены, распушённые горным ветром больше обычного. Волосы Станы на «овечью» шкурку похожи не были – гладкие, скорее платиновые, чем серые, с широкими тугими локонами, а не мелкими кудряшками, как у Бажены.

Она скривила губки и отвернулась немного в сторону, но продолжила:

— А наша деревня внизу зовется Миорица, значит то же, что Миоа'рэ, только ласково, как про маленькую, — Стана задумалась, подбирая слово.

Бажена, уже немного привыкшая к легкому акценту у всех вокруг, вспомнила, что русский Стане совсем даже не родной и она, возможно, даже и слова такого не знает.

— Ягненок? — подсказала она девушке.

Та наморщила лобик и отрицательно дернула головой.

— Нэт. Это скорее овечка, любимая овечка.

— А Миора — это что, не любимая получается? — озадаченно переспросила Бажена.

— Миоа'рэ — единственная! — удивленно посмотрела на нее Стана, будто услышала что-то невообразимо бессмысленное. — Она очень важна. А Миорица — это любимое место и дом для всех нас. Место, которое любит Миоа'рэ, это... не знаю, как сказать по-русски, — девушка беспокойно развела руками, — однажды ты поймешь.

— Очень хотелось бы, очень, — Бажена посмотрела на долину и красные крыши городка в ней.

— А вон там что? – спросила она у Кары, переводя тему.

С высоты было непонятно, что за деревца высажены рядами вдали, на склонах соседней горы. Половина деревьев были сочно-желтыми с редкими вкраплениями зеленых крон, половина – торчали бурыми ветками.

Это оказался один из виноградников, засаженных лозами uvas mioara. Бурые ветки оказались погибшими растениями, желтые – погибали, только редкие зеленые оказались здоровыми растениями.

Кара достала из сумки заготовленные для завтрака сэндвичи, позвала дочерей. Известие о еде вытащило их на свет, довольных и немного продрогших.

Рядом с виноградниками Бажена заметила белый домик с традиционной черепичной крышей. Это оказалась винокурня, на которой пропадал целыми днями Серхио. Он и сейчас был там, отправился еще с вечера, как только передал Бажену под присмотр любимой супруге.

Из интересного ей показали ещё здание фабрики, где шили одежду для магов: ритуальные саваны, униформу для Министерства Магии и даже что-то повседневное.

— Остроконечные шляпы? — улыбнулась уже прожевавшая свою сэндвичную долю Бажена.

Стана отчего-то надулась. Мгновенно, как тропическая рыба-ёж.

— Между прочим, у нас крупнейшая фабрика! – заявила девочка ревниво.

Бажена уже пожалела, что задела высокие патриотические чувства девочки.

Со вчерашнего дня фабрика принадлежала ей.

Кара рассказала, что её даже переименовали по имени текущей владелицы и теперь на бирках лучших ритуальных саванов будет красоваться гордое «Фабрика им. Бажены Дракулешти».

Стана, узнав об этом, часто-часто захлопала ресницами. Видимо, что-то попало в глаза. Но девочка не заплакала. Сдержалась.

Чем-то эта фабрика была дорога Стане. Чувствовалась в этом искреннем её негодовании что-то глубокое, застарелое.

Лестная новость о переименовании фабрики Бажену никак не тронула. Как и длинный список «её» богатств.

Они всё еще были для Бажены строчками на бумаге. И даже увидев своими глазами здания и земли из «наследного списка», девушка все равно не ощущала себя их настоящей владелицей.

В ее жизни никогда не было лишних денег. А те, что были, приходилось зарабатывать.

В детстве она помогала бабушке в огородике, который они разбили на краю заброшенного колхозного поля.

По выходным они вместе продавали выращенное на рынке.

Потом учеба в университете, где приходилось выкладываться на полную катушку. Пока другие гуляли ночами и ходили в клубы, Бажена аккуратными округлыми буквами строчила рефераты для однокурсников – заработок был стабильный. Во время сессий, так вообще – заваливало.

Работа после университета давала постоянный доход, которого всегда хватало «для поддержания штанов», но не больше. На новые туфли она еще могла накопить, но на холодильник или машину — нет.

Впрочем, машину она себе могла позволить — стиральную. Но самую простую, с вертикальным барабаном и двумя режимами стирки.

Деньги не падали Бажене на кудрявую голову. Может, потому она и не знала, что делать сейчас. Что ни день — новые приобретения. Точнее новости о том, что ей что-то еще принадлежит.

Владение замком? Ну давайте посмотрим, что там за замок. Фабрика одежды? Неплохо, может еще и туфли без каблука для прогулок по брусчатке мне сошьют?

— Сошьют конечно, — заверила ее Кара, — шить для бальсы и ее семьи — когда-то было единственной задачей мастерской.

Мастерскую основал портной первой бальсы – Марии-Луизы Дракулешти. Он приехал с ней из Италии и остался. В фабрику для массового пошива мастерская переросла уже при Владе.

Во время завтрака Стана оживилась. Именно она рассказала Бажене об истории производства, количестве швей, что и в каких объемах сейчас производится. Девочка проводила на фабрике все свободное время и мечтала её возглавить. Сейчас же, с появлением Бажены, переживала, что новая «сестра» займёт её место – так Бажене шепнула Кара, когда Станка отошла к машине.

– Ерунда какая, – пробормотала примар.

Когда бутерброды (они же сэндвичи) закончились, а солнышко нагрело близ парящую тучку до полного исчезновения, дамы из клана Дракулешти поднялись и гомонящей на разных языках компанией поехали дальше, наверх.

До которого, как оказывается, осталось немного. Ближе к вершине снова похолодало, а после, когда Бажена уже готова была увидеть группу замерзших альпинистов, перепутавших Миору с Эльбрусом, они вывернули на зеленую полянку с примечательным черным валуном в самом её центре.

Собственно, валун был примечателен в первую очередь тем, что перегородил дорогу в прямом смысле этого слова.

То, что до этого можно было назвать дорогой, ныряло прямо под него и с обратной стороны не выныривало. Бажена обошла валун, спугнула пару ящериц и какую-то серенькую змею, потопталась в траве, и пошла обратно к машине.

— Дальше пешком? — спросила она у Доры и Тишши.

Но малышки, смеясь, уже убежали вправо, за обломок какой-то стены.

«Стоп, что еще за обломок!? — Бажена повернулась, ища хоть что-то, что напоминало бы ей величественное строение, виденное на гобелене.

Увы, замка не было!

«Руинированные постройки», — вспомнились девушке строки отчета о состоянии пары сельских коровников, заброшенных еще в семидесятые годы в селе Малые Поддубки, что в Заяжском районе.

Пару лет назад губернатору понадобилось узнать о состоянии всех советских объектов сельхоз назначения. Не иначе как из столицы спросили, что у него там есть. И что могло бы служить на благо рода людского. Естественно, самолично чиновник никуда не поехал. Мэр

тоже. Бажена (славься гора неотложных писем и телеграмм!) тоже осталась в мэрии. Но отчеты разбирать пришлось.

Сейчас перед Баженой поднимались из земли останки стены высотой ей по плечо.

«Метра полтора», — прикинула она на глаз. В траве лежали россыпью и по одиночке крупные валуны. Из них-то и были, видимо, сложены стены.

«Нужно привести замок в должный вид, — проговорила Бажена цель своего визита, да и вообще цель на ближайшее время, – чтобы разбудить от сна нового, то есть, старого, родственника, который умер, да не совсем. Он завершит дурацкий ритуал, а после этого в долине перестанут болеть и помирать другие мои новые родственники».

В ушах заколотило , как это всегда бывает на высоте.

Но сейчас Бажена услышала, как бешено бьется ее сердце. Стало тяжело дышать, картинка в глазах поплыла. Она оперлась спиной на валун и постаралась глубоко вдохнуть. Вышло не с первого раза.

— Кара, — осторожно спросила Бажена, — а где, собственно, замок?

Помощница выдернула из багажника сумку и кивнула в сторону Доры и Тишши, скрывшихся за стеной.

— Там.

Стана закончила шнуровать хорошенькие белые кеды с розовой подошвой, легко поднялась и первой пошла в нужную сторону. Бажена отметила, что ножки у девочки были крошечные – каждая уместилась бы на широкой мужской ладони. Ничего, подрастет – отрастит.

— Это первая стена бастиона, сам замок и остальные постройки дальше.

Необходимость куда-то идти и спокойный, будничный тон Кары вернули Бажену обратно, на эту залитую солнцем горную поляну.

Звуки моря и удары собственного сердца отступили. Девушка, чувствуя, что под правым глазом у нее всё еще нервно дергается мышца, отправилась вслед за остальными Дракулешти.

Они прошлись по едва очерченной камушками тропинке, перепрыгнули через парочку ям явно искусственного происхождения и пролезли в здоровенную дыру в стене. За ней действительно оказалась еще одна стена, без дыр, но с полуобвалившимся краем и замковый двор, полный построек. Наверное. Когда-то.

Не то чтобы Бажена себе представляла собственный замок иначе. Она его себе не представляла никак.

Но гобелен-то видела!

Там был замок. На горе. Целый.

Открывшаяся перед Баженой картина внушила бы уважение и восторг у историка, который обожает изучать развалины. Но не у счастливого обладателя элитной недвижимости в Европе.

Следующие полчаса Бажена, сверкая глазами, бегала по заросшему травой двору и оскорбляла древние стены возмущенными воплями, криками, а иногда и неприличными ругательствами с кулинарным уклоном.

— Жареный ёж! — кричала она, размахивая руками. – Тут же нет ни одной башни!

— Ну почему ни одной, одна башня тут есть! — успокаивала ее Кара, показывая на высвеченный солнцем остов с парой догнивающих балок.

Бажена закатывала глаза и возмущалась безобразию и царящей в мире халатности. Кричала, что сейчас она всех тут поувольняет и наведет порядок.

Успокаивалась, но видела какие-нибудь жалкие гнилушки на месте старинной деревянной двери и снова приходила в ярость.

Сгнило всё. Всё, что было деревянного. Люди ушли из замка в двадцатые годы, до второй мировой еще оставался смотритель. В сороковые в замок попал снаряд. Не стало башни, а с ней и смотрителя, который в ней жил все эти годы.

Без присмотра и замок и территория быстро обветшали. Металлические детали проржавели, деревянные рассыпались в труху от одного Баженинного прикосновения.

— «Восстановлению не подлежит», — грустно процитировала примар Миорицы всё тот же отчет о состоянии Малоподдубкинских коровников.

##Глава 13. Шестиногий медведь-людоед

Пока Бажена бушевала, дети разбрелись по замку.

Близняшки устроили веселую возню за стеной. Крыши у этой стены не было, так что слышимость была превосходная.

Стана куда-то улизнула в самом начале возмущенной речи.

— Как вышло, что город как конфетка, а памятник искусства… — Бажена махнула рукой в ближайшие стены с провалами окон, которые наверняка представляли огромную историческую ценность, хоть и были некогда банальной конюшней. — То есть, памятник архитектуры в разрухе? Сколько он так стоит? Вы хоть бы дорожки проложили! Неужели нельзя было хоть какой-то бюджетик выделить на облагораживание культового места?

Бажена была возмущена столь беспечным отношением жителей Миорицы к такому сокровищу, как замок.

Это же надо — у них прямо рядышком, под боком, такое богатство! Да тысячи городов были бы счастливы вырваться из списка унылых и безликих поселений.

Иметь у себя замок на территории! Можно и туристов водить, и мероприятия интересные организовать. И самим есть куда выбраться!

— Замок — это украшение города! Это же просто жемчужина для градоправителя. Без замка Миорица - это что? Симпатичная деревня в горах, а с замком — уже симпатичная деревня у подножия замка! Как звучит! А тут у вас позор и ужас, тлен и уныние!

Кара вздохнула и поджала губы, понимая, что кипящей от ярости Бажене нужно еще немного постоять с приподнятой крышечкой.

Не прошло и десятка минут как она и правда успокоилась. Села на ствол дерева, растущего прямо посреди двора из заросшей травкой и мелкими цветочками брусчатки, безвольно свесила руки по бокам.

Кара присела рядом и обняла примаршу за плечи. Как часто бывает, после сильных эмоций на девушку упала апатия и грусть.

— Бажена, это замок бальсы. Он не нуждался в уходе и стоял как новый сотни лет. После войны за ним ухаживали. Мне Миклош рассказывал, как они разбирали завалы после взрыва башни. Но даже тогда, с дырой в стене на месте уничтоженного войной куска стены, замок стоял крепко. Но с исчезновением твоей предшественницы, последней бальсы, разрушились какие-то защитные чары.

Кара рассказала, что замок, стоявший тут с пятнадцатого века как новенький, после исчезновения Снежаны с родителями начал расползаться по швам. И за какие-то полгода из комплекса крепких красивых строений превратился в груду камней. Каким он и стоит последние двадцать лет.

— Будто невзгоды, которые он отразил, упали на него все и сразу. — поделилась Кара своими соображениями на этот счет. — Никогда не слышала ни о чем подобном, это уникальный случай.

Кара рассказала, что исследовала эту аномалию. Как она сама ее назвала. Но ничего полезного не нашла. Поняла только, что замок начал разрушаться сверху вниз, как тортик, который начали есть с кремовой розочки. Сейчас на поверхности остались только крупные стены первого и, где-то, второго, этажей. В замковые подвалы и лабиринты тление и разруха пока не добралась — они все еще целы.

Сколько еще будет держаться неведомое защитное заклинание – Кара не знала. подвалы уходили вниз на пять высоких этажей вниз и были в идеальном состоянии. Ниже гора была пронизана множеством подземных ходов, также защищенных от разрушений таинственными чарами.

— Считается, что некоторые идут до самого города. Хотя никто по ним давно не ходил.

Кара считала, что совсем скоро, когда стены развалятся окончательно, придет черед подвалов и тоннелей в горе. — Мы не знаем, сколько ходов в горе, — сказала помощница полушепотом, чтобы их никто не услышал, — но, скорее всего, скала треснет и тогда...

Кара замолчала, а Бажена вспомнила о красных черепичных крышах городка у подножия горы.

История Миорицы началась с этого замка и закончится вместе с ним. Похороненная под её обломками.

— Как думаешь, Кара, много ли у нас времени, чтобы остановить разрушение?

— Не знаю, — она покачала головой, — год, месяц? Скорость увеличивается. Осенью стены были на метр выше. Думаю, до конца года нужно восстановить чары или уезжать.

— И как приводить замок в порядок, если здесь все… так!? Подожди-ка. Скажи, а новые постройки тоже разваливаются?

О том, что можно построить здесь что-то новое, Дракулешти до Бажены не думали. И не пробовали.

«Что ж… – решила новый примар, – попробуем!»

Сейчас, глядя на залитую солнцем замковую стену с обвалившимся краем, она поняла и для себя решила: она, Бажена Бальсова (ой, уже Дракулешти!) так это всё не оставит. Если нужно разбудить вампира, чтобы спасти городок — она разбудит. Если для этого нужно починить замок — починит.

— Ритуал бальсы можно провести одну ночь в году. Эта ночь связана с днём рождением Влада в середине лета, пятнадцатого июля К этому моменту… — Кара посмотрела на нее немного виновато. — Все должно быть готово. Бажена, все понимают, что ты можешь не успеть...

«Надо бы еще пару человек взять в бухгалтерию, — в этот момент уже подсчитывала в уме Бажена, — и срочно узнать, как у них тут государственные работы ведутся — по тендерам или еще как-то. Надо же подрядчиков искать, спрошу у Теодора, он наверняка в курсе».

— Кара, напомни, какой у нас бюджет на строительство?

— Любой.

— То есть, как? — Бажена прервала расчеты в уме.

— Замок в твоей личной собственности со вчерашнего дня, как и земля под ним, то есть, вся гора.

— А это значит, — лицо Бажены озарилось светом надежды, — что я могу тратить на него свои деньги и ни перед кем не отчитываться.

Она вскочила:

— Так это же ве-ли-ко-ле-пно! Кара, мы все успеем! Мы все сделаем! — она крепко обняла ее в порыве радостных чувств. — Решено, будем делать ремонт в замке Дракулы! Он у нас проснется, как миленький, мы его разбудим и пусть уже присоединяется к разгребанию семейных проблем!

Штаб по планированию ремонта заработал в это же мгновение не отходя, так сказать, с места событий. Бажена накидывала Каре список вопросов, которые она должна уточнить, людей, которых нужно найти, подрядчиков, которых нужно начать разыскивать. В общем, занялась самой настоящей мэрской, в ее представлении, работой.

— А здесь что было? — Бажена давно заметила колонную чуть выше ее пояса. Колонна стояла одиноко посреди двора и выглядела достаточно древней, чтобы вдруг оказаться столбиком зонтика-грибочка в детской песочнице.

— Что? — Кара потерялась взглядом в груде камней за столбиком, но сообразила и рассказала, — Тут был какой-то монумент. Небольшой, голова и плечи, неподписанный. Уже рассыпался. Хочешь, поставим твой, когда все доделаем?

Бажена представила собственный бюстик, облагороженный голубями и другими пернатыми, и спешно отказалась.

В момент, когда они уже начали обсуждать возможность установки солнечных панелей на этой самой поляне, чтобы снабдить рабочих электричеством, как с ближайшей стены посыпалась мелкая каменная крошка.

Девушки замерли. Кара — с неподдельным интересом, Бажена — с легким ужасом. До стены было всего пару метров, рухни она и еще одной бальсой станет меньше.

Крошка посыпалась, посыпалась и потекла рекой, по стене застучали камешки покрупнее. Послышался писк и отчетливое «Ой».

Кара нахмурилась и встала, разведя руки в стороны. Бажена ничего особенного не увидела, но что бы ни делала Кара, оно сработало.

Падение камешков прекратилось, пыль осела и в проломе стены показались две маленькие фигурки.

— Михай! — голос Кары по уровню нежности был где-то между сливочной помадкой и крепким кожаным ремнем, которым в суровые советские годы воспитывали подрастающее поколение.

— Мамо, — промямлило покрытое пылью подрастающее поколение и звонко чихнуло.

Голос принадлежал мальчику лет восьми. Он потер глаза пыльными руками, размазывая грязь. Его подельник тоже чихнул, но уже не так задорно. За мальчишками был огромный куст рябины, под ветками которого они спрятались, когда машина Кары въехала на поляну.

Куст их не выдал, а вот хлипкая стена — да.

— Бажена, позволь представить, — Кара уже была рядом с детишками, — мой младший сын, Михай.

Михай оказался премилым мальчуганом с характерной дракулешной внешностью. Под слоем пыли оказались знакомого оттенка пепельные волосики. Большие серо-зеленые глаза изучали Бажену с интересом, но без удивления. Мальчишки за стеной прекрасно знали, кто здесь. Иначе, по меньше мере, удивились бы встрече.

Вторым мальчишкой оказался друг Михая, немного курносый и, кажется, с примесью азиатской крови.

У него были такие пушистые черные ресницы и, немного кошачьи, тёмно-карие, почти чёрные глаза, что Бажена с завистью вздохнула. Мальчику откровенно повезло. Его родители, в отличие от Кары, по горам не ездили. Потому сейчас его никто не ругал. Чего нельзя было сказать о его друге-проводнике. Как они сюда попали, было не ясно. Впрочем, Михай родился в долине и наверняка знал тут все тропки.

— Бажена Рудольфовна. — представилась Бажена, скорее для того, чтобы как-то отвлечь ребенка от вида агрессивно отряхиваемого Карой Михая. — Можно просто — Бажена.

Мать с таким рвением взялась за дело, что выглядело это скорее как экзекуция. Пыль летела во все стороны и оседала вокруг, на земле под Михаем образовалось обширное серое пятно.

— Николка. — представился мальчуган и протянул ей руку. — Мы с Михаем в языковом лагере учились в прошлом году.

Бажена уважительно пожала прохладную пыльную ручку. Мальчик, удовлетворенный процедурой знакомства, важно достал из покрытой пылью курточки очочки с круглыми линзами и тонкими дужками.

— Любишь Гарри Поттера? — Бажена не могла похвастаться богатым опытом общения с людьми среднего школьного возраста, но аксессуар мальчика явно намекал на его литературные предпочтения.

Угадала, мальчик улыбнулся ровными белыми зубами без единой щербинки. Откинул челку со лба. Вопреки ожиданиям Бажены, молнии, нарисованной фломастером, на лбу мальчика не оказалось.

— Интересная книжка. Ты читала?

— Ну, не все части. — задумалась она, пытаясь вспомнить — а читала ли вообще? Но быстро нашла выход. — Фильмы смотрела точно все и не один раз! И как тебе Гарри? — постаралась съехать с неудобной темы девушка.

Кто знает это подрастающее поколение? Вдруг Николка — фанатски настроенный вундеркинд и сейчас она завалит экзамен на знание культовой книги.

Быть осмеянной ребенком за незнание чего-то, пусть даже такой ерунды, как детская книжка, не хотелось.

— Дурак он. — забил Николка первый гвоздик в авторитет мальчика, который выжил. — Я бы Волдеморта победил еще в первой книге, он просто мозг не включает. — И добавил, глядя на ошарашенное лицо Бажены. — Да и вообще, вечно занят какой-то фигней, мне тоже девять, а я уже знаю больше, чем выпускники университета. Да он кроме английского никаких других языков не знает!

«Точно вундеркинд…» — подумала Бажена и мягко, чтобы не задеть тонкие чувства умного ребенка, уточнила. — А ты сколько знаешь языков? И где ты так научился говорить по-русски?

— Говорю же, в языковом лагере! — Николка немного успокоился и почти полностью отряхнулся. Пыльной оставалась только спина, но Бажена сочла, что они с молодым человеком еще недостаточно знакомы, чтобы она могла себе позволить столь близкое общение. И помощь в отряхивании сама не стала предлагать. — Я говорю на всех нужных современному человеку языках: испанском, английском, французском, немецком, итальянском, русском и, конечно же, китайском!

Обычно дети, что-то пересчитывая, загибают пальцы на руке. Да что там, даже взрослые так часто делают, чтобы не заблудиться в цифрах от одного до десяти.

Однако вундеркинд перечислял языки так легко, будто рассказывал детскую считалочку «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан».

«С математикой у него страшно спросить что. Если через пару лет кто-то взломает сервера Пентагона, то у меня уже есть главный кандидат в предполагаемые неуловимые хакеры», — подумала Бажена и про математику спрашивать не стала.

— Семь языков ты знаешь в девять лет? — уточнила она и поймала себя на мысли, что она-то, Бажена Дракулешти, считая в уме, загибала воображаемые пальцы, чтобы не запутаться.

— Четырнадцать, — мальчик повернулся к ней спиной, — отряхни пожалуйста, — и добавил, — родственные языки я вообще не считаю. Румынский, украинский, болгарский и прочие. Не нужно много ума, чтобы их выучить, если знаешь русский и немецкий. Латынь тоже не считаю, она по умолчанию нужна.

Бажена отряхивала девятилетнего мальчика со стойким ощущением, что им пора меняться местами. Ему управлять городом, а ей поехать в ту самую языковую школу, где её научат хотя бы парочке новых языков! И, может быть, даже математике.

«Хотя нет, ну ее, математику, как-то дожила до тридцати трех и ничего. Могу и ошибку в смете тендерной найти за минуту. И в магазине меня еще ни разу не обсчитали. — выдернула себя Бажена из реки грустных мыслей о недостатках отечественного образования. — Да, я гарвардов не заканчивала. Но сама, без родственников и протекции закончила университет, устроилась на приличную работу. — успокоила она себя. — Не обязательно быть гением, чтобы быть хорошим человеком. И мэром. То есть, примаром. »

— Бажена! — окликнула ее Кара. — Представляешь, эти два героя сразу после завтрака сбежали в горы! Смотреть замок и играть в вампиров!

В голосе черноволосой красавицы проскакивали молнии. Они же вот-вот готовы были полететь из глаз.

— Какие в Румынии милые детки, — пробормотала Бажена, — и выносливые — поднялись на гору, по которой мы на машине взбирались полтора часа. Их бы энергию, да в другое русло. Может, не надо нам никаких строителей нанимать. Просто скажем детям, что если они до середины лета в замке сделают ремонт, то в их распоряжении будет живой вампир. То есть, мертвый, конечно, но вполне жизнеспособный для игр и увеселений.

Кара хотела возразить, но не успела. Произнесенные Баженой тихо, как ей казалось, слова, долетели как минимум до одного юного поклонника трансильванского фольклора.

— Вы собираетесь воскресить вампира? — Николка раскрыл глаза широко-широко, вся его серьезность слетела, он наконец-то стал похож на настоящего ребенка.

«Дети — всегда дети, — напомнила себе Бажена, — только что презирал героя детской книжки, но узнал, что взрослые занимаются странным и с участием вампиров, так глазки горят, ушки на макушке».

Часто то, что нужно спрятать, надежнее всего положить на самое видное место. Так и с правдой. Чем выдумывать фантастическое, а после ненароком запутаться в собственных словах, — удобнее сказать чистую правду. Бывает, она звучит в сотни раз неправдоподобнее лжи. Скажи такую правду — и никто в неё не поверит. Надёжно, просто, изящно.

— Конечно. — ласково улыбнулась она. — Мы с тётей Карой собираемся воскресить вампира.

Николка так растерянно моргал ресницами, что захотелось его потрепать по бледной пыльной щечке. Бажена пожалела гордость этого маленького, но уже слишком взрослого для подобного внимания человека. Не стала.

Кара обернулась в Михаю, чтобы продолжить воспитательное мероприятие, но оказалось, что сложно воспитывать детей под тоненький, леденящий душу вой.

Выл какой-то дикий хищник. Очень грустный и умирающий от тяжких ран волк или раненый птеродактиль, миллионы лет блуждающий в Миорском подземелье и отчаявшийся вернуться в родное гнездо.

Все четверо вздрогнули. Михай, еще мгновение назад стоявший насупившись, прилип к материнской ноге. Кара выставила руки вперед, и застыла в странной позе, принятой Баженой за боевую: одна рука выставлена вперед, вторая согнута – прикрывает лицо. Николка будто прилип к земле и еще шире распахнул свои и без того огромные черные глаза. Еще немного — и вылетят из орбит. Бажена нервно икнула и порадовалась, что они приехали на гору днем.

Да, накрой сейчас замок вечерняя мгла и она, Бажена, первой побежит к машине, а не будет стоять тут, посреди заросшего травой дворика как прижизненный памятник самой себе.

Они смотрели на остатки замковой стены с десятком низких подвальных окон. Вой раздался снова. В одном окошек что-то зашевелилось. Напряжение нарастало.

— Станка, едрён крутон! — взвыла Бажена, наблюдая, как девушка спешно выползает из тьмы подвала на освещенную солнышком брусчатку. — Надеюсь это ты орала, как сотня попавших под поезд котов? А не какой нибудь шестиногий медведь-людоед!

Девушка подняла лицо, украшенное небольшой ссадиной, всхлипнула. Бажена с Карой отмерли и побежали к ней, помогли подняться. Она что-то бормотала по-румынски, бессмысленно вращая глазами. Казалось вот-вот заплачет.

Станка так распереживалась, что ни слова не могла выплюнуть на русском и только бормотала одну и ту же фразу, которая никак не могла зацепиться за незнакомый с этим иностранным языком Баженин мозг.

— Да расскажи толком, что случилось? — не выдержала примар.

Неизвестность в комплексе с помятым Станкиным видом ее впечатлила, напугала и сейчас Бажена была в том состоянии, когда тревога собиралась переходить в панику.

— Зеркало, — прошептала Стана, первая капелька потекла по щеке, — пропало.

— А с тобой что? — продолжила расспросы Бажена.

Зеркало она еще ни разу не видела, а Стану знает не первый день. Не первый, а второй! Кто напал на девочку? Где она поранилась? Что случилось?

Эти вопросы носились в голове, сталкивались друг с другом, сыпали горячими искрами, распаляя в Бажене Рудольфовне желание пойти в подвал и настучать по головам всем, кто обидел ее почти взрослую, но еще такую маленькую, сестренку.

Увы, за первой каплей по щеке потекла вторая, а за ней, по логике, должна была потечь третья, но тут Стана решила, что поштучно выдавать слезы долго и бесперспективно и выдала солёной водицы оптом. По щекам потекли две полноводные реки. Под подбородком они соединились в одну и начали обильно поливать брусчатку у девочки под ногами.

Каре с Баженой пришлось подождать четверть часа, прежде чем она успокоилась. Шмыгая хорошеньким носиком, Стана рассказала, что спустилась в подвальный зал, в котором хранилось зеркало. То самое, в которое Бажене обязательно нужно ритуально смотреться каждый день с сего дня и до самой середины лета.

— Оно помогает пробудить силу, указывает ей дорогуууууу, — подвывала Стана, сбиваясь на какой-то неизвестный Бажене акцент, — а теперь его нэээээт. Но самое плохое, — добавила она шепотом, глядя исключительно на Кару, — второе зеркало тоже пропало!

Остатки замковых стен отразили новый приступ безутешных рыданий.

Кара нахмурилась, Бажена тоже. Неизвестно, почему нахмурилась первая, но вторая — исключительно потому, что ни о каком втором зеркале не знала и узнать в момент его пропажи была не рада.

Вряд ли оно использовалось для нанесения воскресного макияжа или маскировки дырок на средневековых обоях, украшающих подземные помещения.

«Надеюсь, без этого второго зеркала замок не развалится к завтрашнему обеду, — Бажена приготовилась стойко выслушать еще одну плохую новость, — надо что-то делать с этими секретными секретами. А то каждый день какие-то неприятные сюрпризы».

— А с лицом что? — наконец спросила Бажена, указывая на ссадину. — И кто там выл?

— Я, — девушка смутилась, — огорчилась, когда зеркала не нашла. Побежала, споткнулась.

— Очнулась — гипс?

— Что? — Стана испуганно ощупала лицо, забыв, что только-то безутешно рыдала. — Так все плохо? У меня перелом, будет шрам?

В ее глазах знакомо блеснула влага, но Бажена успела достать телефон и показала девочке ее отражение. Та немного успокоилась, даже заулыбалась. Мгновенное избавление от выдуманных травм и уродств подняли настроение в сотни раз быстрее, чем предыдущая получасовая успокоительная беседа в исполнении Кары и Бажены.

— Вы, — четко сказала Кара, указывая на мальчиков, чтобы они точно и недвусмысленно поняли, что речь идет именно о них, — ждёте здесь. Ничего не трогаете. Никуда не залезаете. Можно гулять по двору. Кивните, что поняли. — мальчики согласно закивали. — В город поедете с нами. Никола, — она произнесла его имя с ударением на последний слог — «НиколА» и Бажена поняла, что так и не узнала, какой язык для мальчика родной, ведь он так чисто и без акцента говорил по-русски. — Ты, как старший, присмотри за Михаем, пожалуйста.

— А вы? — мальчик аккуратно стряхнул полоску пыли с рукава курточки.

— А мы прогуляемся в подвал.

##Глава 14. Неограниченный бюджет и два зеркала

Замковый подвал тоже оказался немного не таким, как ожидала Бажена.

Мрачные сырые казематы, капающая с низких каменных сводов вода, крысы, выглядывающие из темных углов, скелеты почивших узников с фрагментами кольев, ставших, собственно, причиной упокоения, — всё это отсутствовало.

Бажена восторженно вздрагивала каждый раз, когда солнечный луч скользил по ее лицу. Они уже спустились на три этажа вниз, но сложная система зеркал, установленная в стенах, передавала свет все ниже и ниже, хитрым образом рассеивая и собирая его в плотные пучки света.

Они шли по залитым солнцем залам, отделанным белым мрамором и чёрным агатом. Высокие потолки поддерживали ряды каменных колонн из какого-то неизвестного Бажене камня. Вблизи он казался плотным, как гранит, но стоило отступить на пару шагов и присмотреться, и свет будто бы начинал проходить сквозь колонну, тень за ней истончалась, бледнела будто тень отбрасывал не многотонный кусок камня, а тюлевая занавеска.

Минус первый этаж подземелья, то есть, самый ближний к поверхности, оказался самым скромным как по декору, так и по высоте потолков.

Через него в подземную систему зеркал попадал свет через узкие слуховые окошки. Одним из которых и воспользовалась перепуганная Стана. Будь потолки выше, как в нижних залах, этот трюк не удался бы.

На этом, условно техническом, этаже брали свое начало множество узких лесенок и одна главная — широкая.

Именно по этой парадной лестнице, более уместной в пышно украшенной бальной зале, замирая от восторга и совершенно не глядя себе под ноги, спускалась в подвал наша Бажена.

Чем ниже они спускались, тем шикарнее становилось вокруг. Гладкие мраморные стены с нежными розоватыми прожилками на верхних этажах сменились на сложными орнаментами на полу, стенах и даже на потолке.

«Каким же на самом деле был замок, — Бажена откровенно глазела на подземную красоту, — если подвал похож на дворец или... храм!»

Всю дорогу они шли в торжественном молчании, подходящем как нельзя лучше окружающей обстановке.

Проделав долгий путь по лестницам и переходам, девушки остановились перед необычной стеной. Она вставала из пола волной цунами, готовой обрушиться на морской берег. На ее изгибах искрились мириады крошечных кристаллов, отражая на пол пучки солнечного света.

— Мы в сердце Миоа'рэ — Стана сделала шаг назад, — здесь собирается весь возможный свет.

Лучи, пройдя через систему зеркал и осветив каждый уголок просторных подземных залов свежеполученного Баженой замка, собирались в в одном месте, чтобы осветить кусок мозаичного пола.

Разноцветные кусочки искрящегося камня, впаянные в большую гранитную плиту, образовывали ровный круг. Он мерцал ярко, до рези в глазах. Бажена не сразу увидела, что цветные камешки складываются в затейливый рисунок: подробный план ныне руинированного замка.

Неведомый мастер изобразил главное строение и пристройки в разрезе и с такими мельчайшими деталями, что Бажена смогла разобрать даже резные узоры на картинных рамах. Когда-то они в изобилии висели в просторных комнатах.

Она узнала на карте и подземные залы, по которым только что прошла, и парадную лестницу. Мозаика передавала изображение точно, кроме одного места. Того самого, где они сейчас стояли.

В месте, где на карте должна быть волна цунами, было нарисованы два кругляша: один большой, второй — значительно меньше.

«Похоже на планету со спутником», — отметила Бажена.

Во все стороны от кругляшей недвусмысленно расходились солнечные лучи, будто освещающие замок снизу, из подвала. Лучи растекались по полу светлыми полосами.

Подробность и тщательность проработки не оставляли сомнений — мозаика на полу — подлинное описание замка, замковых подземелий и даже подземных ходов в горе. Входы в которые на карте были помечены черными треугольничками.

Это была именно карта — поэтажный план помещений, на котором с поражающей воображение педантичностью, были изображены интерьеры комнат, мебель, посуда и даже карета с нарисованными на дверках черными драконами, стоящая во дворе замка.

Были у замка и обе башни, и еще множество других, маленьких остроконечных башенок с небольшими комнатками-кельями.

Стены, судя по карте, и правда были белыми.

«Странный выбор для мрачного средневековья», — Бажена представила удивление летчика, летящего в начале двадцатого века над горами и встретившего белый замок, которого не было на карте местности. На кой черт он сбросил на него снаряд? Может, от удивления не ту кнопку нажал?

Бажена представила в красках, как из облаков выступает величественное белое строение, будто парящее над долиной. Башни и шпили, как из сказки, озаряются красным всполохом и вот, в одной из башен раскрывается яркий оранжевый цветок взрыва.

«Бррр!»

Мозаика напоминала фотографию дома, отснятого прежними жильцами для продажи. Все чисто, аккуратно, лежит на своих местах.

Помещения обжитые — здесь забытая щетка для волос, там картина висит немного наискось.

Но внутри — никого. Будто все жители покинули комнаты, чтобы не мешать художнику запечатлеть обстановку для благодарных потомков.

Любой дом, каким бы уютным ни был, не живет без людей. Без них эта карта — всего лишь карта.

— А этого здесь не было, — Стана позвала всех в середину мозаики.

Один человек в замке, оказывается, был.

В большой зале стоял большой деревянный стул с резной спинкой.

На нем, в полном одиночестве, сидела крошечная фигурка в длинном красном платье. Её длинные серебристо-серые волосы ветер раздул так, что лица было не разобрать.

— Думаете, это я? — Кара со Станой продолжали пристально изучать вчерашнюю, точнее,, позавчерашнюю заяжскую секретаршу. Будто только что ее увидели. — Да у меня же волосы — во!

Она указала на явное расхождение с картинкой. Волосы Бажены пушились задорными серенькими кудряшками, облачком облепив голову и едва-едва — три крошечные серёжки в хрящике правого уха — единственную доступную шалость во внешнем виде, которую могла позволить себе Бажена в качестве госслужащей.

Волосы у девушки на резном стуле извивались вдоль спинки и серебристым плащом стелились по полу.

— Нет волос!

— Видимо, будут, — серьезно сказала Кара.

— Во будут! — добавила Станка и показала обеими руками предполагаемую длину – насколько хватило разведенных Станкиных рук.

— Да ну вас, издевашки, — Бажена фыркнула, скрывая смех, — не будет у меня таких волосищ. Меня как в пять лет бабушка постригла, так и не растут. Проехали. Станка, расскажи, что с зеркалами?

Станка погрустнела.

— Отно зерцало, — она занервничала и сбилась с русского на какой-то другой славянский язык. Тоже, впрочем, вполне понятный, так что Бажена дальше разве что кивала, давая знать, что все понимает, — Було тутошки.

«Тутошки» оказалось прямо на полу, на карте замка. Ровно в том месте, где должна бы быть изображена цунамеобразная стена и зала, в которой они втроем разглядывали мозаичный пол.

Бажена присмотрелась. Два круга, принятые ей за рисунок, им и оказались. Но имели ещё, по словам Станки, «небольшучую впуклость».

Впуклость была совершенно незаметна, но при ощупывании и правда обнаружилась — в полу неглубоко, но явно, были вдавлены две ниши. Перепад в пару сантиметров был так мастерски замаскирован переходами цвета на мозаике, что даже вблизи Бажена его не заметила.

Кругленькие зерцала, то есть зеркала, лежали в специально вдавленных для них ямках. Одно побольше, другое — поменьше, рядом.

— Понятно, — мрачно резюмировала Бажена.

Стана совсем стушевалась, быстро-быстро залопотав на той версии русского, который понять было уже совершенно невозможно.

А в конце и вовсе расплакалась, уткнувшись в бок Каре полностью порозовевшим хорошеньким лицом.

— Ритуал простой, — вздохнула Кара, переводя Бажене на русский, — Сила в тебе уже пробуждается и для ее усиления нужно каждый день приходить сюда смотреть в маленькое зеркало.

— Которого нет, — Бажена осторожно потрогала ногой едва заметный перепад высоты у лунки для меньшего зеркала.

— Для полноценного раскрытия силы нужно провести еще один ритуал, в нем уже используются оба зеркала. Но как его проводят, Стана не видела. — Кара помолчала мгновение. — Никто не видел уже давно.

— Миклош, — всхлипнула Станка.

Бажена кивнула. Да, Миклош видел ритуал, Миклош знал, Миклош мог. Но Миклош по техническим причинам бесценными знаниями уже ни с кем не поделится. Рассчитывать они могут только на себя.

— Наш план все тот же, разбудить Влада? — уточнила Бажена.

— Да. Без зеркал сила будет копиться в тебе. Когда наберется больше, чем ты можешь выдержать, она просто разорвет тебя изнутри. Суть второго ритуала в том, что огромная сила внутри тебя начинает циркулировать. Сейчас она просто сливается в тебя, как в сосуд. И этот сосуд может быть переполнен. И тогда… ничего хорошего. — обтекаемо произнесла девушка, поджав полные красные губы.

Станка всхлипнула.

— Все будет хорошо, — Бажена погладила девочку по спине, спина вздрогнула, – мы что-нибудь придумаем. Разбудим Влада нашего, Дракулу, пусть помогает. Родственник он нам или нет?

— Ро-ро-родственник, — давясь всхлипами, прошептала Стана.

— Ну кто, если не он нам сможет помочь? Может, у него зеркала запасные есть или какие-то еще средневековые прибамбасы?

Неожиданно это сработало. Девочка перестала плакать и оторвалась от Кары.

— Ты будешь чинить замок? — она так искренне удивилась, что вызвала улыбку у двух других дам в помещении.

— Ну конечно, ты же сразу в подвал свинтила — вспомнила Бажена. — Конечно же, мы будем чинить замок. Когда ты вылезла, мы как раз обсуждали детали ремонта.

— Но он же такой, — она не сразу подобрала слово. — Разрушенный.

Бажена с Карой рассмеялись от души.

— Станка, это еще что! Ты бы видела остатки советских колхозов в Заяжских полях! Починим мы твой замок! То есть мой! То есть наш!

«Наверное», — добавила Бажена уже про себя.

— Но срок же до середины лета? Успеем? — засомневалась девочка.

Бажена блаженно сщурилась на солнце.

— Еще как. У нас же есть огромное преимущество перед теми же колхозами.

— Какое же?

— У нас неограниченный бюджет. А еще... мы за свои расходы ни перед кем не отчитываемся.

И Бажена злорадно рассмеялась. Как и планировала.

##Глава 15. Запасной немец и булавка для неспящей красавицы

Бажена Рудольфовна Дракулешти, новый мэр, то есть, примар, небольшого горного городка деревенского типа твердо уперлась очаровательными стройными ножками в старинный буковый паркет собственного кабинета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.